

Лунная
ДЕВА

Вячеслав Корнич

16+

Вячеслав Корнич

Лунная дева

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Корнич В.

Лунная дева / В. Корнич — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Татьяна была мечтательной и романтической натурой, а ещё она писала книгу, вокруг которой и разгорятся нешуточные страсти. Неведанные силы втянут её в гущу невообразимой роковой игры, где девушке отводилась роль «тёмной лошадки». Но такая роль её не устраивала. Пытаясь во всём разобраться самостоятельно, героиня бросается в водоворот судьбоносных событий, столкнувшись лицом к лицу с ютившимися в ней страхами. Однако испытания не сломают девушку, а помогут раскрыть в ней уникальные способности, благодаря которым она сможет разгадать тайну своего необыкновенного рождения.

Вячеслав Корнич

Лунная дева

Прятки памяти

Извечность ткёт из судеб пряжу,
Связав в одном – рассвет с туманом,
Чтоб реку жизни скрыл тот полог
И грусть вдохнул на Землю нашу –
В мечтах, осмеянных обманом...
Ведь путь домой тернист и долог...

I

Он стоял посреди шумной куда-то несущейся жизни в окружении нелепых нагромождений и ничего не понимал. Всё произошло так внезапно и стремительно, его словно вытолкнули наружу из бездонной ямы небытия, забрав имя и прошлое. Внутри него всё перемешалось – какие-то образы, смутные картины непонятных событий и ещё много чего, пока не умещавшегося в его сознании. Он пытался остановить нахлынувший на него мысленный хаос, чтобы хоть как-то осмыслить происходящее, но у него плохо получалось. Его сознание упорно не хотело увязываться с реальностью открывшегося перед ним мира. Он мало что помнил о себе, вернее – практически ничего, так, отдельные и не совсем ясные фрагменты, вероятней всего, вырванные из того, что когда-то было его памятью.

«Где я? Как я здесь оказался? Что всё это такое?» – вспышками появлялись внутри него первые сознательные мысли.

На какое-то мгновение, когда он осознал, что находится здесь впервые, ему стало не по себе. Но мимолётное смятение быстро прошло, и его место заняло привычное внутреннее равновесие. Такое состояние было хорошо знакомо ему и вселяло определённый оптимизм. Мимо него с несмолкающими звуками проносились вереницы странных механизмов, в которых сидели совершенно незнакомые ему существа. Он находил их повсюду, рядом с собой и поодаль возле причудливых строений, одни куда-то спешили встречными потоками, проходя мимо таких же, как они, другие собирались в небольшие группы. Но на него никто из них не обращал внимания, его будто не было здесь. Пренебрегая осторожностью, он решил проявить себя, посылая им свои добрые импульсы. Однако все его попытки установить с ними контакт ни к чему не приводили, его не замечали. Наконец он понял, что они находятся в разной световой плотности и эти существа попросту не видят его. Бросив неудавшуюся затею он взметнулся своим сознанием вверх, оставив внизу всё это скопище разнородной материи и, замерев на достаточной для обзора высоте, огляделся. Ускользавшие линии горизонта подсказали ему о сферической форме объекта, на котором он оказался, вероятней всего, он находился на плотно-материальной планете. Он не особенно верил в случайности, но в тот момент ему так хотелось думать, других вариантов пока не проглядывалось. Выдержав взгляд единственного светила, он не узнал его, это небольшое солнце не всколыхнуло поверхностные слои его памяти. Значит, они не были близко знакомы. Не желая обманываться его ослепительным сиянием, он переключился на то, что скрывалось за его золотистым туманом. Увидев живую карту открытого космоса, он вначале не поверил своим глазам, все известные ему звёздные миры находились на огромном от него расстоянии, и он с трудом представлял, где сейчас находится. Он хотел направить опознавательный сигнал на одну из знакомых ему звёздных систем, чтобы как-то идентифицировать себя, но не помнил своего имени. Тогда он просто направил в пространство световой луч, но что-то блокировало его импульс, вторая попытка, а затем и третья – тоже ни к чему не привели. Это уже настораживало, что-то здесь было не так, блеснувшая в его

сознании догадка подсказывала, что вокруг планеты существовал какой-то информационный уловитель искусственного происхождения. Тогда он решил отыскать пространственный портал, вытолкнувший его в этот плотный мир, но его врата бесследно исчезли. Мысль о ловушке заставила перестроиться его энергосистему в режим защитного ожидания. Убедившись, что опасность ему не угрожает, он вернул своё сознание вниз, решив продолжить свои наблюдения с поверхности планеты.

Чуть позже он понял, что оказался в мире полярных энергий, такой вывод стал для него откровением. Его сразу же заинтересовало, как здешние существа поддерживают свой энергетический баланс. Вслушиваясь в исходившие от них звуковые вибрации, скорей всего, служившие способом общения, он поначалу ничего не мог разобрать. Лишь по тональности звуков ему всё же удавалось улавливать их настроение. Он почему-то сразу назвал этих существ – «звучащими», видимо, первая ассоциация крепко врезалась в его сознание. Вскоре невинная игра в подглядывание и подслушивание захватила его, «звучащие» всё больше и больше пробуждали в нём живой интерес, они были такими разными и в то же время во многом похожими. В попытках заглянуть вглубь их внешних форм он наткнулся на интересное открытие. Цвет, а точнее – цветовые оттенки их мыслей возбудили в нём повышенное любопытство. В них умещалось такое многообразие вибрационных тонов, которые в его сознании разворачивались в определённые образы, говорившие на вполне понятном ему языке. Вот только он никогда не сталкивался с такой эмоциональностью в мышлении. Он перемещался от одного «звучащего» к другому, прибывал к небольшим группам и пытался понять, о чём они думают. Его озадачило то, что они совершенно не были знакомы с телепатическими каналами связи, а вместо естественной коммуникации пользовались модуляторами звуковых вибраций. Посчитав это очень утомительным и затратным занятием, он подивился, как они выдерживают такую потерю энергии и восстанавливают утраченный баланс. А ещё его немало удивила их привязанность к портативным передатчикам, так же служивших средством для связи, с которыми они практически не расставались. Он отчётливо видел, как эти примитивные устройства загрязняют эфир своими беспорядочными волнами и мешают естественному обмену мыслями. Откуда он всё это знал? Он не смог бы на это ответить. Похоже, что он знал многое, но о себе самом имел лишь смутное представление. И это было более чем странным. Такое положение обескураживало и одновременно разжигало в нём исследовательские аппетиты. Он чувствовал себя блуждающим во тьме огоньком в поисках своего истока. После первых сознательных шагов в новом для себя мире его умозаключения далеко не продвинулись. То, что он существо разумное сомнений у него не вызывало, он смог это доказать себе используя простую логику. А вот насчёт случайности или не случайности своего появления здесь, ответа пока не находилось. Оставалось искать хоть какие-то зацепки, связывающие его с окружающей реальностью. Для этого ему нужно было лучше её узнать.

С закатом солнца он ещё раз убедился, что здесь властвует линейное время, к которому привязывались все жизненные процессы. И ему невольно пришлось подстраиваться под смену суточных фаз, чтобы приспособиться к незнакомому ритму жизни. В отличие от «звучащих» он не нуждался в ночном сне, судя по первому опыту – для отдыха ему хватило простой смены деятельности.

Когда взошло светило, он активизировал свою работу, его внутренний толковый словарь стал пополняться с геометрической прогрессией наравне со знаниями. Невидимость для обитателей этого мира стала ему только плюсом, он мог спокойно изучать окружающую обстановку и при этом никого не стеснять своим присутствием. Острой необходимости в общении он пока не испытывал, а больше изучал или просто созерцал атмосферу незнакомой жизни, стараясь прочувствовать её особенности. Выбирая объект для своих исследований, он концентрировался на нём и мысленно ставил себе задачу, а некие таящиеся в нём силы уже сами без его вмешательства считывали данные по световой ауре «звучащих». Его внутренние навыки

раскрывались по мере необходимости и практически безошибочно составляли развёрнутую картину нужных ему событий. Весь оставшийся день он следовал за «звучащими» по улицам, посещал их каменные жилища и места работы с единственной целью – разобраться с их истинными помыслами. Просматривая матрицы их мыслеформ, он всякий раз пребывал в недоумении из-за склонности «звучащих» скрывать свои мысли, которые далеко не всегда отличались правдивостью. Одни делали это сознательно, преследуя какие-то свои корыстные цели, другие – потому, что так было удобнее, а кто-то по незнанию, выдавая чужие мысли за свои. В этом мире вращалось столько информационных потоков, будораживших умы, что распознать правду было непросто. Но даже в противоречивых мыслях он пытался отыскать важные «ниточки», способные приблизить его к разгадке смысла их жизни. А смысл расплывался, рассыпался на небольшие фрагменты, у «звучащих» было столько интересов и привязанностей, что он никак не мог собрать всё это в законченную картинку.

Миновало ещё несколько суточных фаз. По его наблюдениям «звучащие» оказались упрямыми поклонниками всякого рода вещей и потребностей, на которые успешно работала целая всемогущая система. Он даже в шутку обозвал её ненасытным многоглавым драконом, пожиравшим их время и энергию. После первых впечатлений ему было над чем задуматься. Вначале ему показалось, что здесь происходит какое-то массовое представление, своеобразное интеллектуальное задание по раскрытию психических образов. Но поразмыслив, он изменил своё мнение. Теперь он был почти убеждён, что действующие лица не осознавали своего участия в этой игре и всё воспринимали по-настоящему, довольно серьёзно относясь ко всему происходящему, всеми силами пытаясь зацепиться за что-то конкретное и осязаемое. Такое положение несколько озадачило его, игры в тёмную подразумевали особые правила и закулисных организаторов. Он не хотел вмешиваться в чей-то план, но отказываться от своих исследований тоже не собирался, ведь на кону стояла его собственная память, до сих пор игравшая с ним в прятки. Ему многое предстояло выяснить и прежде всего – разобраться со «скрытыми течениями», непосредственно влиявшими на жизни «звучащих». Даже по первым его впечатлениям их жизни были настолько перемешаны, переплетены, завязаны в тугие узлы неоднозначных отношений, что судить о каждой из них можно было только после тщательного анализа их прошлого. Что-то подсказывало ему о не случайности таких жизненных встреч, возможно, именно магнит прошлого притягивал и собирал вокруг себя уже знавших когда-то друг друга, чтобы развязать застаревшие узлы отношений или завязать новые. Верней всего, в этом и была чья-то задумка, такие переплетения судеб давали выход довольно пёстрому спектру энергий, чего, наверно, и добивались наблюдатели. В своих исследованиях он не придерживался чётких правил, а скорее – действовал по наитию в надежде, что интуиция рано или поздно выведет его на нужную дорожку. Несмотря на общую со «звучащими» световую природу, они были явно другими, не совсем понятными ему, их раса развивалась в довольно странных искусственных условиях на самом дне световой плотности. Он готов был поклясться в том, что никогда не испытывал ничего подобного в своём личном опыте. Живой свет он всё-таки находил, но в основном в глазах детей «звучащих», значительно меньше у взрослых, видимо, с возрастом внутри них происходили необратимые изменения, и свет покидал наскучившие ему формы.

Уже на склоне одного из световых дней на тенистой улице он увидел прямо перед собой золотисто-розовое облако. Вначале он даже не понял, с чем столкнулся, такое гармоничное цветовое сочетание ещё не встречалось ему здесь, фон тончайших энергий был настолько стойким и ярким, что он не сразу разглядел внутри облака двух «звучащих». Они шли рука об руку и были настолько поглощены своим упоительным чувством, что не замечали ничего вокруг себя, они словно выпали на время из этого суматошного мира. До самых сумерек он следовал за ними, любясь красотой чудесного сияния, пока те не остановились возле каменного строения.

«Как интересно... в обычной жизни их внутренний ток проявляется по-разному, у дев он мягче, спокойнее, подобно течению воды... а у мужей он кажется необузданным и своенрав-

ным, как пламя на ветру... но сейчас они так похожи, так близки и возвышенны», — подумал он.

Глядя, как они сливаются в объятиях, он видел, что именно телесные прикосновения усиливают их взаимное наслаждение, хотя и не совсем находил в этом смысл. У него было совершенно другое представление о любви. Не желая больше мешать этим двум счастливицам, он мысленно пожелал им не растратить душевный огонь и тут же исчез в сгустившейся темноте.

Заблестевшие огоньками улицы вывели его на тускло освещённую набережную реки. Здесь оказалось довольно пустынно, редкие парочки и небольшие группы «звучащих» неспешно прогуливались по набережной, обмениваясь какой-то информацией. Он по привычке вслушивался в их речь, сравнивал её с тайными мыслями говоривших, но ничего нового для себя не находил. И тут его взгляд остановился на одинокой фигурке девицы, она стояла возле самой кромки воды и задумчиво глядела вдаль. Хотя её лица он не видел, это не имело сейчас значения, что-то другое заинтересовало его, что-то внутри него настойчиво сигналило об удачной находке. Но вдруг он насторожился, почувствовав чьё-то незримое присутствие. Его внутренне зрение обострилось до невозможности и автоматически просканировало окружающее пространство. Перед ним сразу же раскрылась картина происходящего... Три бесформенные тени буквально кружили вокруг девицы как голодное воронье и даже не думали скрывать своих злых намерений. Но она была так поглощена своими мыслями, что и не подозревала об опасном соседстве.

Он не стал дожидаться развязки событий и своим внезапным появлением спутал планы этих существ...

II

В магазине было не особеннолюдно, ранние книголюбы изучающе рассматривали книжные полки, и время от времени негромко интересовались у Татьяны чем-то конкретным либо новинками. Она отвечала с охотой, откладывая в сторонку любимый томик Лермонтова. Когда вопрос был исчерпан, она вновь погружалась в чтение. Татьяне нравились и другие авторы, но в творчестве Лермонтова она находила столько близкого своему сердцу, она не смогла бы объяснить эту близость, разложить её по полочкам, а только чувствовала её. В этом человеке девушку поражало буквально всё, а особенно его непостижимая душа, в которой было столько загадок, в ней непонятным образом уживалось бесстрашие воина с нежной мечтательностью поэта-романтика, бушевали страсти непокорного демона, и светилась ангельская чистота.

Из мимолётного забытья её вывел приятный мужской баритон:

– Девушка, а у вас есть «Тайная доктрина» Блаватской?

– Да, есть. А вам первую книгу или все три? – ответила Татьяна, с интересом разглядывая незнакомца.

Он не был похож на кабинетного интеллигента, больше на отставного военного.

– Мне, пожалуйста, всё заверните по этому вопросу, будем постигать от корки до корки, – с улыбкой отшутился он.

– В добрый час. Только не переусердствуйте, – подыграла ему девушка.

– А что... такая заумная книга?

– Да, непростая книжечка, с характером. Много всего там интересного, но суть постоянно ускользает...

– Как это? – не понял он.

– Знаете, в ней очень много спорных моментов... о том, что утаивают религии и отвергает официальная наука и, вообще, всё, что там написано в корне отличается от общепризнанных знаний. Ну и недосказанности тоже хватает... одним словом – оккультизм. Я вот всё второй том никак осилить не могу, в день по чайной ложке получается, не знаю, может, не созрела ещё.

– Ну, это нормально, не детектив же какой-нибудь, чтобы взахлёб да вприкуску, тут лучше уж по чайной ложке, но вдумчиво, – сказал он.

– Вы правы, если по верхушкам скакать, то в голове точно ничего не уляжется, – согласилась Татьяна.

– Вот-вот и я про то же. А мне приятель «Доктрину» посоветовал прочесть, обещал, что не пожалею... мол, мозги неплохо раскачивает.

– От инерции?

– Ну да, от неё заклятой, чтоб не размягчались! – рассмеялся мужчина.

Татьяна невольно подержала его смех, но про себя подумала:

«Кому-то для этого шахмат или кроссвордов хватает, а он в такие дебри лезет и ведь не шутит... такой энтузиазм, даже завидно, нет, по-хорошему, конечно».

– Вот я и загорелся этим, – уже серьёзно добавил он, – хочется чего-то такого необычного, глубокого... ну, что-то вроде нехоженных тропинок. Вам это знакомо?

– Ещё бы, – честно призналась девушка.

– Вот-вот, в каждом из нас дремлет эта тяга. Ладно, поглядим, что это за зверь такой – оккультизм, авось не разочарует.

После его ухода Татьяна задумалась:

«Как же точно он подметил насчёт нехоженных тропинок... он прав, тысячу раз прав. Я же постоянно об этом думаю... эта тоска... она просто бывает невыносимой, всё равно, что тесная одежда... Ох, если можно было бы просто снять и выбросить её... Но как?! И где же взять это новое, в чём оно? Как узнать его, как примерить на себя, принять, почувствовать? Или всё твоё меряется любовью с первого взгляда? Возможно, да, скорей всего... Глупо, наверно, но иногда мне кажется, что моя жизнь какая-то ненастоящая, а кем-то придуманная... и всё что в ней происходит, происходит как бы понарошку... М-да, странное ощущение, странное... и оно не оставляет меня».

Ближе к концу рабочего дня громко хлопнула входная дверь, Татьяна невольно вздрогнула и подняла голову. В яркой блондинке в солнцезащитных очках она узнала свою школьную подругу.

«Света пожаловала, без звонка. К чему бы?» – инстинктивно подумала она.

– Привет, Волошина! – ещё на подходе к прилавку бросила женщина, снимая очки. – Ты ещё не застоялась в этом интеллектуальном стойле?

– Ты меня уже в новую должность определила? Учёной лошадкой я ещё не была, – с улыбкой отпарировала Татьяна.

– Ладно, Танюшка, не обижайся, это я так к слову. Ты же знаешь, что я могу сморозить.

– Знаю. Поэтому и не обижаюсь. Здравствуй, Света.

– Что читаешь? – между прочим спросила Светлана, заметив на прилавке томик стихов. – Ого, Лермонтов! Тань, а у тебя на полках Гомер случайно не завалился?

– Света, ты просто так заскочила поболтать или по делу?

– Обиделась всё-таки. Ладно, сейчас я поправлю твоё настроение! Готова? А ну-ка подставь стульчик, чтоб не ненароком...

– Что там ещё?

– Ладно, томить не буду. Танька, мы едем на пикник! Ура-а-а!!!

– Света, не кричи, люди же кругом, – усовестила подругу Татьяна.

– Ну и пускай порадуются с нами, выходные же завтра, пора и честь знать, – вошла в раж Светлана и уже по-хозяйски обратилась к немногочисленным посетителям магазина:

– Уважаемые, дамы и господа, минутку внимания! По уважительным причинам книжная лавочка закрывается на полчаса раньше обычного! Люди, будьте людьми, не разрушайте хрупкое счастье этой милой особы за прилавком! Вопрос жизни и смерти! Ну, имейте же совесть, граждане...

Оторопевшие вначале книголюбы, кто с улыбками понимания, кто с недовольством – потянулись к выходу. Только двое самых принципиальных и непонятливых читателей всё ещё шарили глазами по стеллажам с книгами.

– Светка, ты что творишь, так же нельзя, это же мои клиенты, это, в конце-то концов – люди, – почти шёпотом пыталась урезонить её Татьяна.

– Я так и сказала – люди... Но сама подумай – какой дурак читает в выходные? Почитать можно и в трудовые будни на рабочем месте, как ты, например. А в выходные надо веселиться!

– Света, какое веселье? Я сегодня весь день на ногах, я ужасно устала. У лошадки тоже ножки болят.

– Танька, хватит уже ёрничать! Я тебя не на работу гоню, а отдыхать зову! Ножки устали, говоришь, да? Ну вот и попросишь Вадика, чтобы массаж сделал. Он сердешный от радости ещё не на то сподобится.

– Какой ещё Вадик? – не поняла Татьяна.

– А я тебе разве не сказала?.. Ну, Вадик Карсанов... Помнишь, в начале недели в кафе пересекались? Это он нас пригласил на свою фазенду. Он уже все уши нам с Валеркой прожужжал насчёт тебя: всё Танечка, да Танечка... Да-а, зацепила ты его чем-то, подруга, зацепила! Хотя в тебе есть что-то от Татьяны Лариной, точно есть... кроткая красота, поэтичность... Хи-хи, такие прагматики как Вадик обычно клюют на это. Лови момент, подруга, другого такого может и не быть!

– Ты насчёт момента или Вадика?

– Ишь ты, уже и юмор прорезался, значит, не всё потеряно. Скажу тебе откровенно, Танюшка, от чистого сердца – Вадик и есть твой судьбоносный момент. Лови!

– Света, мы же едва с ним знакомы, я ничего о нём не знаю... да и не приглянулся он как-то мне... ты знаешь, ну даже малюсенькой искорки не проскочило.

– Танька, не дури! Я ей такого мужика сватаю, а она мне о какой-то искорке! У него же всё есть кроме живой воды и птичьего молока, он тебя на руках будет носить, если хоть чуть-чуть приласкаешь!

– Вот именно, есть всё кроме рабыни Изауры, – иронично заметила Татьяна.

– Ой-ой! Да уж лучше Изаурой, чем у прилавка торчать с твоим высшим филологическим, – не осталась в долгу Светлана.

– Мне лично нравится.

– Ну, нравится, так нравится, одно же другому не мешает. Тань, хватит кочевряжиться, давай разведемся. Классно будет, не пожалеешь! Едем?

В этот момент один из оставшихся посетителей созрел для покупки:

– Девушка, дайте мне, пожалуйста, «Мастера и Маргариту» Булгакова.

– Хорошо.

Татьяна рассчитала человека и обратилась к Светлане:

– И в каком я качестве там буду?

– Да в каком хочешь, да хоть в качестве той же Лариной, лишь бы без претензий к нашей нравственности. А если ты думаешь, что Вадик хочет покуситься на твою невинность, то зря, он вполне порядочный человек. Не захочешь сама, ничего и не будет. Ну, соглашайся, Танюшка!

Татьяна глубоко вздохнула и обречённо махнула рукой:

– Ладно, ты же всё равно не отстанешь, хоть свежим воздухом подышим. Но учти, Света, если твой Карсанов будет приставать, я пешком в город уйду, так и знай.

– Вот это уже по-нашему! – обрадовалась Светлана. – Танюшка, ты не переживай, у Вадика на твой счёт серьёзные намерения... ну, мне так показалось. Всё, закрывай свою лавочку, часики тикают. Сначала к тебе заскочим, переоденешься, ну и всё такое, по пути в продуктовый заглянем, чтоб не с пустыми руками в гости, и Валерку моего заберём.

– А Игорёк где?

- Своего киндера я уже к маме определила. Всё, подруга, время пошло, я в машине жду!
- Иди уже, я скоро.

Татьяна отпустила последнего дотошного клиента и стала собираться.

Помещение магазина она арендовала вместе со своей хорошей знакомой Ириной торговывшей музыкальными товарами, и они нередко подменяли друг друга, если кому-то нужно было уйти пораньше. Естественно, кто уходил последним, тот и сдавал магазин под охрану на пульт. Вот и сейчас Татьяна воспользовалась неофициальной договорённостью, перепоручив Ирине свои заботы. Уже на выходе из магазина, увидев машину своей подруги, в ней опять зашевелился червячок сомнений насчёт этой поездки, но отступить было уже поздно.

Сборы отняли у них остатки дня и до фазенды Вадима Карсанова они смогли добраться уже преклонным вечером. Добротный двухэтажный особняк с мансардой располагался в окружении стройных пушистых сосенок совсем недалеко от берега озера. По лицу хозяина было видно, что он порядком заждался непунктуальных гостей и спешил высказаться по этому поводу:

- Полянские, вы хоть смотрите на время? Я тут уже...

Но Светлана перебила его:

– Вадик, дорогой, ты не сердись на нас, сам ведь знаешь, как перед выходными всё наваливается, пока туда, пока сюда, да ещё у Валерки с выставкой заморочки.

В подтверждение её слов Валера виновато вздохнул:

- Да, брат, хлопотное это дело, извини уж.

– Но зато мы не с пустыми руками! – не упускала инициативу Светлана, вытягивая из машины смущённую Татьяну.

Услышав голос Татьяны, Вадим расплылся в довольной улыбке:

– Рад, очень рад, Танечка, здравствуйте... проходите, гости дорогие, так и быть отделаетесь лёгкой повинностью.

– Надеюсь, публичной порки не будет? – задорно рассмеялась Светлана. – А то мы пока не готовы предстать в неглиже, градус не тот.

– Как уж пожелаете, я готов удовлетворить все ваши прихоти, – в том же тоне ответил Вадим. – А вот от поцелуя, милые дамы, точно не отвертитесь, это обязательство.

– Это мы запросто, от нас не убудет! Как ты, Танюшка? Ну скажи, не с честью же расстаёмся...

Не обращая внимания на деликатные ухмылки мужчин, Татьяна подошла вплотную к Вадиму и демонстративно чмокнула его в щёку.

– А теперь я свободна от повинности? – с вызовом спросила она, чувствуя лёгкое раздражение от словесной бутафории.

Вадим это сразу понял, и чтобы не испортить вечер первыми впечатлениями, подставил щёку для поцелуя Светлане и быстренько переключился на роль обстоятельного хозяина:

– От этой да. Не скрою, приятно... но сервировка стола остаётся за вами, милые дамы. Основное блюдо беру на себя, мангал уже истомился, шампуры нанизаны, свиные рёбрышки ждут своей участи, пора колдовать. Валера, ты мне поможешь, а женщин прошу на кухню, что, где – покажу. Предлагаю разместиться в беседке, она у меня просторная и со светом. Не возражаете?

- Угу, наш вариант, – немногословно бросил Валера.

– Я согласна, здесь так романтично, – поддержала их Татьяна.

– Романтично-то романтично, но не лето же, ночи уже прохладные. Не замёрзнем? – засомневалась Света.

– Замёрзнем – в дом переберёмся или на зимнюю веранду, как хотите, – успокоил её Карсанов.

– Ну ладно, мальчики, уговорили, в крайнем случае, собой погреее... Да, да, своими собственными горячими телами. И только попробуйте не оправдать!

– Ты, мать, в своём репертуаре, – поддел супругу Валера.

– Какая уж есть! Пользуйся, Валерочка, случаем, пока разрешаю.

Валера молча усмехнулся и направился в машину за продуктами.

– А я бы не отказался погреть, – неожиданно выдал Вадим, но, столкнувшись с насмешливым взглядом Татьяны, сразу поправился:

– Ну, разумеется, если дамы будут не против.

– Дамы будут против, – не оставила ему шансов Татьяна.

– А ты за всех-то не решай, подруга! – раздухарилась Светлана.

– Всё, друзья мои, по рабочим местам, время – деньги! – скомандовал Вадим, желая быстрее забыть свой конфуз.

Уговаривать никого не пришлось.

Судя по добротному особняку, внутри которого каждая вещь находилась на своём месте, и хорошо спланированной ухоженной территории вокруг дома, напрашивался вывод, что Вадим являлся ревностным любителем порядка. Татьяна могла поклясться, что зелёный газон, походивший на тонкошерстный ковёр, и аккуратно подстриженные кустарники, растянувшиеся вдоль забора – тоже его рук дело. Учитывая его занятость на ниве какого-то серьёзного бизнеса и отсутствие второй половинки (Вадим был свободным человеком, а точнее – разведённым), Татьяна по-хорошему удивилась, как он для всего находил время.

Работа спорилась, никто не пытался сачковать, и через тридцать минут обильная закуска перекочевала в беседку, украсив деревянный стол. Совместные хлопоты не только сгладили обстановку, но и придали позитивного настроения. Все уже изрядно проголодались и в предвкушении близкого застолья откровенно глотали слюнки, а аппетитный дымок, клубившийся из мангала, только повышал градус нетерпения. При этом Светлана с Вадимом успевали упражняться в остроумии, а Валера же с Татьяной по мере желания старались их поддерживать. Вообще, в отличие от Светланы, которая говорила всегда, Валера предпочитал вступать в разговор, когда это ему было интересно, в остальных случаях он просто отмалчивался или отде-львался короткими репликами.

Наконец подоспела первая партия основного блюда. Свежий воздух, бокал вина и хорошая закуска сделали своё дело, Татьяна почувствовала себя более раскованной и даже откровенные шутки Светланы уже не так резали её слух. Вадим сразу же сел рядом с девушкой и старался быть галантным кавалером, насколько это получалось. Татьяна явно нравилась ему, она это чувствовала, но, принимая ухаживания Вадима, держала его на некотором расстоянии. Он попытался сократить эту дистанцию во время танцев, с каждым разом всё теснее прижимая её к себе, но девушка с деликатной настойчивостью давала ему понять – что не нужно бежать впереди автомобиля. У Татьяны были свои принципы, возможно старомодные, но такая уж она была, и сравнение её с Лариной, наверно, имело здесь место. Разгорячённый спиртным и близостью очаровательной гостьи, Вадим в своём воображении, вероятно, строил какие-то интимные планы на ночь, но Татьяне совершенно не хотелось делить постель с малознакомым мужчиной, хотя и таким перспективным в личном плане. Нет, она не набивала себе цену, не играла с ним роль недотроги, она просто не любила кокетничать с мужчинами, а ещё больше поступаться своими принципами. Вадим не сдавался, отступая чуть-чуть в напоре, он искал другие подходы к сердцу Татьяны.

Чуть позже Карсанов предложил пройтись к озеру, идея была встречена с единодушным одобрением и компания в полном составе отправилась на прогулку. Казалось, что эта звёздная осенняя ночь поберегла для них нерастраченные остатки летнего тепла и не спешила прогнать их под крышу дома неуютной прохладой. По натоптанной тропинке, освещённой лучиком диодного фонарика Вадима, они спустились к берегу озера. Несколько минут они любовались

таинственной озёрной гладью, разделённой пополам дорожкой лунного света, а потом направились вдоль берега озера, делясь впечатлениями. Когда в разговоре возникла пауза, Вадим переключился на свои планы в сфере благотворительной деятельности и очень красноречиво рассказал о своих задумках. Как и раньше он больше обращался к Татьяне, то и дело, касаясь её рук. Тема нашла понимание и получила одобрение членов уже весёленькой компании, а Вадим, как посчитал сам, приобрёл в глазах Татьяны дополнительные бонусы. И тут уже не удержалась Светлана, совсем забыв, что связана словом насчёт чужой тайны:

– Вадик, а ты не хочешь спонсором у Танюшки поучаствовать, а? Она же книгу пишет, строчит по ночам девчонка, не высыпается... жалко её.

– Светка, я же тебя просила! – с укоризной взглянула на неё Татьяна.

– А что такого, все же свои, – отмахнулась от подруги Светлана и продолжила свою мысль:

– А напишет, её же надо как-то издавать, нужны какие-то связи, опять же деньги. Кто ей поможет с этим?

– Света!

– Что сглазить боишься?

– Да, боюсь! А тебе ничего доверить нельзя.

– Книгу? – удивлённо переспросил Вадим, уставившись на девушку. – Интересно, интересно... И какой же жанр, Танечка, – женский роман, детектив?

Татьяна обиженно отвернулась, но за неё ответила Светлана:

– Фантастику она пишет или мистику, ну, короче – то и другое.

– Мать, ты опять вляпалась со своей откровенностью, вечно лезешь, куда не просят! – не выдержал Валера. – Танюша, а ты не обижайся, сама же знаешь её язык.

– Язык, как язык. И чего набросились, не понимаю? – пожала плечами Светлана. – Я же, как лучше хотела. Написать это одно... А что дальше с этим делать? Танюшка у нас натура тонкая, творчески одарённая, но совершенно не пробивная. Ей нужен мужик, ну, как – ледокол, чтобы все её проблемы одним махом и по бортам, раз и всё! Волошина, а ты вспомни, как мучилась со своим книжным бизнесом, да и сейчас не лучше.

– Света, ты как купец свой товар нахваливаешь. Продешевить не боишься?

– Всё, всё, дамы – стоп! Мы же здесь не на базаре собрались, а отдыхать. Вот и давайте отдыхать. Поглядите, какая ночь, – вмешался Карсанов. – А насчёт вашей книги, Танечка... если честно – удивили, по-хорошему удивили. Я вот даже и не знаю, как бы к ней подступился, у меня и воображения-то не хватит и терпения, наверно, тоже. Да-а, удивили...

– Спасибо, – смягчилась Татьяна, – но в сюжет я посвящать не буду, и не просите, рано ещё.

– Правильно, Танюша, я сам не люблю незаконченные работы показывать, – поддержал девушку Полянский.

– Нет, нет, Танечка, вы не беспокойтесь, мы не настаиваем, – заверил её Карсанов. – Танечка, если не секрет – почему фантастика? Есть же и другие жанры.

– Честно сказать? – уже более миролюбиво произнесла девушка, останавливаясь у самой кромки воды.

– Правду и только правду! – с готовностью выпалил Вадим, подходя ближе к Татьяне.

Остальные члены компании последовали его примеру.

– Если правду... вы знаете, о нашей обычной жизни уже столько написано, столько переговорено, перемолото, что хочется иногда выглянуть из её узкого окошка, поглядеть в небо на звёзды и помечтать... наверно, дело в том самом воображении, которое желает чего-то большего, непознанного, таинственного, того, что не умещается в рамки обыденности...

– Волошина, ты нам зубы не заговаривай высокой материей, а лучше с обыденностью общепринятой разберись вначале, спустись на грешную землю, мужа найди нормального, детей ему нарожай и всё такое, – то ли в шутку, то ли всерьёз заявила Светлана.

– Вот именно... и всё такое, – тихо проронила Татьяна.

– И не цепляйся к словам, ты поняла, о чём я.

– Да всё правильно ты говоришь, Света, всё правильно... но ведь у каждого своя жизнь и время у каждого своё. Зачем его торопить?

– Танюша, а может, в нашем жизненном болотце не хватает обыкновенной любви? – неожиданно выдал Полянский.

– Валер, а разве любовь бывает обыкновенной?

– Ну да, да, Танюша, не так выразился.

– А я согласна с тобой, Валера, условностей всяких хватает, а того, что хочет душа – не совсем. Но это ведь больше от нас самих зависит. Так ведь?

– Ладно вам уже философствовать, заладили – то да потому, давайте о чём-нибудь другом! – послышались нервные нотки в голосе Светланы.

– А я вот больше детективы люблю, – вернулся к прежней теме Вадим, – правда, уже давно не брался, всё времени не хватает, то работа, то хозяйство. А фантастику как-то не очень.

– Напрасно, брат, напрасно... фантаст он ведь как провидец, видит то, что от других скрыто и, бывает, видит далеко вперёд. Ну, хотя бы взять того же Жуля Верна, ведь тоже считали его писанину бредятиной, а сколько всего сбылось. Это я тебе как художник говорю, – поддержал Волошину Валерий.

– Не буду спорить, художнику виднее, – ответил Карсанов и повернулся к Татьяне:

– Танечка, а вы не отказывайтесь от моей скромной помощи, я всегда готов, только ради Бога не стесняйтесь. А вдруг мы сообща создадим настоящий фантастический бестселлер, а?

– Прямо уж бестселлер, скажете тоже... но всё равно спасибо, Вадим, я подумаю.

– Ишь ты, она ещё подумает! – рассмеялась Светлана. – Нам хоть дашь ознакомиться, когда закончишь, а, будущая знаменитость?

– Ну-у... ежели хорошо попросите у будущей знаменитости.

Её последние слова потонули в дружном смехе. А Светлана обняла подругу и зашептала ей в самое ухо:

– Танюшка, ну не дуйся, я же люблю тебя и хочу как лучше. Ну, простила?

– Простила. Только не делай так больше. Хорошо?

– Всё, буду как рыба – любознательной и молчаливой.

Вдоволь нагулявшись, в хорошем расположении духа компания вернулась в беседку. Разошлись они уже поздней ночью. Чету Полянских Карсанов разместил в мансарде, а Татьяне отвёл комнату на втором этаже рядом со своей спальней. Положив на диван постельное бельё, он сжал руки девушки и дрогнувшим от волнения голосом попытался объясниться в чувствах:

– Танечка, вы такая необыкновенная, такая красивая, ваше лицо, ваш голос... вы мне так нравитесь...

Не отнимая рук, Татьяна поглядела ему в глаза:

– Спасибо, Вадим... и спасибо вам за этот прекрасный вечер, мне всё очень понравилось, но давайте оставим пока всё как есть... вам лучше уйти.

– Вы не подумайте, Танечка, у меня всё серьёзно к вам, очень серьёзно... не гоните меня, просто побудьте со мной, я не усну без вас, не смогу, – его глаза буквально умоляли её.

– Вадим, мы всё испортим, не торопите меня... и не обижайтесь, пожалуйста.

Она по-дружески поцеловала его в щёку и легонько подтолкнула к двери:

– Идите, покойной вам ночи.

– Да, конечно, Танечка, можем всё испортить, вы правы, конечно, – словно под гипнозом проговорил он, выходя в коридор, – спокойной ночи.

Татьяна закрыла за ним дверь и замерла, прислушиваясь к шагам в коридоре. Её удивило, что он так быстро сдался, на него это было не похоже. Вадим, действительно, ушёл не сразу, видимо, что-то обдумывал. Но потом шаги стихли, и она услышала, как захлопнулась сосед-

няя дверь. Облегчённо вздохнув, Татьяна направилась в ванную. Она разделась и на минутку задержалась возле большого зеркала. Собрав на затылке русые волосы, скрывавшие её красивую шею, она провела ладонью по нежно-шелковистой коже лица и стала придирчиво рассматривать своё тело. Её взгляд остановился на упругой груди с маленькими розовыми сосками, потом медленно заскользил вниз к трогательной ямке в самом центре слегка выпуклого живота и вдоль женственных изгибов бёдер опустился по стройным ногам. Природа не поскупилась одарить Татьяну самым лучшим, что у неё имелось в наличии. По лицу девушки было видно, что она осталась довольна собой. Её женская красота раскрывалась прямо на глазах и уже не желала таиться. Подмигнув своему зеркальному отражению, Татьяна почему-то представила себя хозяйкой этого дома, и не удержалась от смешка...

Она проснулась от ощущения, что на неё кто-то смотрит, причём очень пристально и изучающе. Ощущение было действительно реальным и, хотя сердце девушки выбивало барабанную дробь, страха она почему-то не испытывала. Татьяна поднялась с дивана и осмотрелась. В комнате кроме неё никого не было. За окном уже серели сумерки, и девушка решила пройтись к озеру в надежде встряхнуться от странного ощущения, поспешив списать его на прерванный сон.

На берегу озера, невольно ежась от утренней прохлады, она плотнее застегнула куртку и стала смотреть на озёрную рябь. И вдруг она почувствовала лёгкое прикосновение, потом ещё и ещё, словно кто-то пытался погладить её волосы. По телу Татьяны побежали мурашки уже не только от холода. Она повернула голову назад, но к своему удивлению никого не увидела. Озираясь по сторонам, она вновь ощущала чьё-то присутствие, чей-то живой взгляд. Татьяна хотела что-то сказать, но в этот момент теплая волна воздуха обвернулась вокруг неё, обнимая собой девушку. Ощущения были настолько реальными, настолько необыкновенными, что она замерла на месте не в силах что-либо говорить и делать...

III

В тускло-освещённой комнате за старинным резным столом сидел смуглый черноволосый мужчина с пронзительным орлиным взглядом и внимательно рассматривал какие-то фотографии, лежавшие веером подле настольной лампы. После изучения очередного снимка он делал короткие пометки в толстом блокноте с необычным ручным переплётом и переходил к следующему, возвращая фотографию на прежнее место. Для лучшего рассмотрения мужчина использовал мощную лупу, видимо, изучая какие-то неясные детали. В его выверенных действиях чувствовалась уверенность и понимание того, что он делал. Трудно сказать, что было на этих странных снимках, может, наскальные рисунки или старинные руны, но судя по особому интересу мужчины, они представляли немалую ценность.

– В назначенный час придёт Лунная Дева – хранительница ключа от Двухликих Врат. Ключ от этих врат спит внутри Лунной Девы, и пробудить его может только её тень, следующая впереди неё... тень знает слово, чтобы не ранить чувства Матери, – одними губами полушёпотом проговорил он и в задумчивости накрыл фотографию рукой.

«Интересная находка, очень интересная... как раз то, что мне нужно, это мой вопрос, чувствую – мой. Я должен разгадать эту загадку, кровь из носа должен», – проговорил про себя мужчина, утопая в глубокой спинке кресла.

«Врата... мне нужны эти врата, любой ценой я должен их отыскать. Ниточка уже есть, осталось ухватиться за неё, потянуть и вытащить всё до последнего корешка. Намётки есть, контуры уже проявляются, осталось найти все недостающие пазлы и собрать их в нужную мне картинку. Землю буду носом рыть, всё переверну вокруг, но я сделаю это, сделаю!» – выстраивалось в его голове убеждение.

Его лицо излучало такую непоколебимую уверенность, что трудно было даже усомниться в успехе задуманного им предприятия.

В этот момент в двери постучали.

– Входи, Сигурд, – величественно разрешил мужчина, даже не поменяв своего положения.

На пороге комнаты появился крепко сложенный человек с бесстрастным лицом, на котором особо выделялся почти квадратный подбородок. Он почтительно поклонился и замер в ожидании.

– Говори, – коротко бросил смуглолицый.

– Хозяин, есть новости. Думаю, они заинтересуют вас, – проговорил Сигурд и, получив молчаливое одобрение, продолжил:

– «Охотники» стали свидетелями одной занятной сценки... «тушителю» пытались присосаться к некой молодой особе и уже начали свой танец вокруг неё, но им помешали... Их противником оказался очень сильный и компетентный в вопросах психического боя воин, он появился внезапно и быстро разобрался с этими отбросами...

– Как же ты неласков с нашими помощниками, – с усмешкой вставил реплику смуглолицый.

– Вы правы, Хозяин, я не испытываю к ним особых симпатий, но работа есть работа, – в том же спокойном тоне ответил Сигурд. – Я могу продолжать?

– Можешь.

– «Охотники» не стали вмешиваться в это столкновение, а только наблюдали, однако они не смогли полностью оценить характеристики нашего гостя, они оказались очень высоки. Раньше он им не встречался, судя по всему, здесь он появился недавно и явно неспроста.

– Н-да, если всё так, как ты говоришь и ты правильно понял «охотников», то вывод верен, сущности такого уровня на дороге не валяются, значит, у него особая миссия.

– Будьте уверены, Хозяин, информация надёжная, – не оставил сомнений Сигурд.

Смуглолицый встал с кресла, вытягиваясь во весь свой высокий рост, сделал несколько шагов по кабинету и буквально вперился своим острым взглядом в Сигурда:

– Значит, так... повисни на нём, вцепись в него мёртвой хваткой, мне нужно знать о каждом его шаге, все связи, любое движение, вытащи из него даже захудалую мыслишку, только скрытно. Ты понял?

– Понял, Хозяин, – склонил голову Сигурд. – Наблюдение уже ведётся, подходы к его сознанию ищем.

– Да, что это за девица, почему на неё клюнули «тушителю»? – заинтересовался Хозяин.

– На первый взгляд ничего особенного, девица как девица, но мы копнули глубже, а там – одни ребусы, мы упёрлись в целую систему блоков, её память кем-то защищена, с ней явно поработали очень компетентные специалисты. Но мы попытаемся её вскрыть.

– Не пытайтесь, а вскройте, любой ценой вскройте! – повысил голос смуглолицый. – Чувствую, это звенья одной цепи, подобное притягивается подобным, эта встреча не случайна. Ты знаешь, что делать, Сигурд. Вытащи из них всю подноготную!

– Будет исполнено, Хозяин! – отрапортовал верный вассал и негромко поинтересовался:

– Вы считаете, Хозяин, что эти лица могут быть связаны с нашими поисками?

– Не факт, но вполне... – задумчиво проговорил смуглолицый и вопросительно поглядел на своего подчинённого:

– Как получилось, что мы её проворонили?

Сигурд виновато потупил взгляд, но в следующую секунду уже давал пояснения:

– У этой особы была ещё и внешняя защита, причём очень сильная, видимо, её сознательно скрывали всё это время, но теперь её свет стал проявляться вовне.

– Вот, значит, как, всё интереснее и интереснее... Ладно, не будем гадать на кофейной гуще, делай своё дело, меня интересует любая мелочь. Докладывай в любое время суток, если я на выезде – используй телепатические каналы.

– Непременно, Хозяин. И ещё, мы закончили исследование пещер. Доложить?

– Давай, – разрешил смуглолицый.

– Мы нашли ещё одну надпись, она прошла проверку на идентичность с предыдущими и полностью восстановлена, текст читаемый, вот фотографии, – сказал Сигурд, протягивая свёрток. Смуглолицый бегло взглянул на фотографии и одобрительно кивнул своему человеку:

– Хорошая работа, Сигурд. Ступай, жду результата.

Сигурд молча поклонился и вышел.

«Сегодня удачный день, информация сама идёт ко мне в руки. Что ж поглядим, поглядим...» – воодушевился он, намереваясь прочесть текст.

– Когда чаша ночи ополовинит себя и весы замрут в равновесии, тогда золотой луч пронзит лоно Матери и двое обручённых тайной пути станут одним у четырёх перекрёстков дорог и тот один выберет путь десяти», – всё так же полушёпотом проговорил он. – Первая часть мне понятна... а вот вторая... хм... Что же сие означает? Четыре перекрёстка и путь десяти...

Он взял ручку и прочертил в блокноте две параллельные и две перпендикулярные линии. Потом обвёл полученный квадрат и пронумеровал его стороны от единицы до четырёх, после чего сложил полученные цифры. В сумме получилось десять.

«Вот она десятка, в ней все цифры числового ряда, значит, дело касается теории творения... Или чего-то ещё? Н-да, надо поразмыслить... Ну, допустим, допустим... один – это Абсолют, единое и неделимое число, оно всегда неизменно, единица закулисный наблюдатель и всегда вне игры... для проявления себя Абсолюту нужны два полюса творения – мать и отец. Он выделяет из себя эти две разноимённые силы, и единица становится уже двойкой... Так, так... эти двое сочетаются в притяжении, создавая между собой напряжение, огненную среду творения, где рождается ребёнок, недостающая часть триады, клише будущего творения по образу и подобию Абсолюта. Эта триада тоже неизменна, она тоже как бы за кулисами... она просто копирует себя и опускается в «бульон» первичной материи, чтобы отпечатать в нём информацию о творении, чтобы осеменить инертную материю и заставить её преобразовываться в видимые формы... А четвёрка это уже символ проявленных форм, где незримо присутствует и само клише. Теперь их уже семь, а это уже законченное творение со всеми его потенциальными возможностями, плюс – тройка закулисного прообраза... и того – десять. Лесенка наверх? Н-да, похоже. Вот только, что она мне даёт?.. Хм, вопрос... Ничего, разберёмся, в любом случае пазлов стало больше, а когда найдём остальные, задачка решится сама собой», – размышлял он.

Минуту – другую смуглолицый мерил шагами кабинет, а потом резко повернулся к противоположной стене. Достав из кармана небольшой пульт, он нажал на кнопку и перед ним распахнулись двери лифта. Спуск занял некоторое время. Лифт остановился в просторном кармане подземной галереи в виде пентаграммы с пятью разветвлёнными тоннелями, весь зал по периметру был освещён многоцветными софитами. Хозяин выбрал боковое ответвление по правую руку и направился к необычному аппарату на монорельсе. С бешеной скоростью он пронёсся по длинному тускло-освещённому тоннелю и остановился возле массивной металлической двери. Набрав шифр электронного замка, смуглолицый отворил застонавшую дверь и вошёл вовнутрь. В абсолютно тёмном подземном коридоре оказалось всего две комнаты, оборудованные глухими бронированными дверьми. Могильный склеп – не иначе. Но темнота не смутила Хозяина, он словно по верёвочке уверенным шагом прошёл до дальней комнаты и замер возле двери со скрещёнными на груди руками. Так он простоял пару минут, будто исполняя известный только ему ритуал, после чего набрал код. Дверь со скрипом отворилась, нутро каменного убежища дохнуло на него зловонным запахом и обдало холодной пустотой. Но пустота оказалась обманчивой, в следующий момент во тьме вспыхнули два жёлтых зрачка, внутри помещения зашевелилось что-то живое и огромное.

– Здравствуй, брат мой, давненько тебя не навещал. Как ты? – спокойно произнёс смуглолицый.

В ответ раздалось нечленораздельное рычание.

– Понимаю тебя, хорошо понимаю, но таковы реалии... да, мы части одного целого, я этого не забыл, но у каждого из нас своя миссия, поэтому я там, а ты здесь. Мне не нужно твоё бунтарство, а только смирение, пойми это раз и навсегда, иначе всё будет плохо. Ты меня понимаешь?

Существо из темноты по инерции огрызнулось, но уже более покорным тоном и замолчало.

– Вот и хорошо. А сейчас выслушай меня, возможно, очень скоро мне понадобится твоя помощь. Взамен ты получишь больше свободы, я тебе обещаю.

IV

Татьяна с детства знала этот старый парк и очень-очень любила его. Она ничем не отличала его от людей и даже считала своим тайным другом, с ним можно было вместе погрузиться и поделиться самым сокровенным. Татьяне не просто казалось, она знала, что парк чувствует её настроение, слышит её мысли, понимает её. Эти незримые знаки понимания были слышны и видны лишь ей одной.

После работы ей совершенно не хотелось идти домой, с книгой образовался какой-то застой, и она без раздумий отправилась сюда в надежде разобраться со своими мыслями. Как обычно у входа в парк она остановилась (это уже стало своеобразным ритуалом) и про себя произнесла:

«Здравствуй, милый. Как поживаешь? Не скучал без меня? А я скучала... очень скучала. Ты стал таким красивым и таким загадочным. Нет, извини, ты всегда красив в любое время года... Позволь мне войти как другу и храни меня».

Теперь Татьяна могла смело идти дальше, зная, что будет желанным гостем. На центральной аллее людей было больше обычного. Мамы с колясками, выгуливавшие своих маленьких чад, бабушки, зорко присматривавшие за внуками, влюблённые парочки и просто прохожие – с жадностью ловили эти последние солнечные деньки, понимая, что скоро здесь всё изменится и станет уже не так. Это угадывалось по их лицам.

Татьяна свернула на малолюдную узкую аллею и неспешно побрела вглубь парка, упиваясь запахом опавшей листвы. Она любила осень, особенно эту её пору, когда краски набирали особую яркость и будоражили чувства своими сказочными контрастами, а непередаваемые запахи увядания кружили голову. Под её ногами шуршала листва, а мимо проплывали багряные рябинки вперемешку с вечнозелёными сосенками и пожелтевшими берёзками, навевая на неё лёгкую грусть и одновременно приятный трепет. Ещё совсем недавно едва появившаяся желтизна так напоминала ей тонкие седые пряди в человеческих волосах, но теперь всё стало иначе, осень уже безраздельно властвовала в природе. В первые минуты ей совершенно не хотелось ни о чём думать, мысли куда-то исчезли, позволяя душе на какое-то время насладиться свободой. Чтобы не спугнуть это невесомое состояние она даже отключила мобильник. Но затишье оказалось недолгим. Первые мысли коснулись её книги, вернее, некоторых затруднений, связанных с перевоплощением придуманных ею героев. Татьяна уже почти неделю билась с этой проблемой, но пока не в свою пользу, что-то постоянно мешало ей, не давало сконцентрироваться на сюжете. Потом она вспомнила о недавних выходных. События того вечера проносились в её голове почти не задерживаясь, и даже излишняя болтливость Светланы уже не занимала внимание девушки. На свою подругу она уже давно не обижалась по настоящему, многое ей прощая. Татьяна не раз задумывалась о том, что же связывало их дружбу, ведь они были такими разными. Может, это и связывало, разные характеры нередко как магнитики тянутся друг к другу, давая своей противоположности то, что ей не хватает. Вот только Светкины слова насчёт мужа и детей до сих пор ютились в ближних уголках её памяти, время от времени напоминая о себе. Как любая нормальная женщина она хотела иметь семью и не раз представляла себя в этой роли. Она представляла, как носит под сердцем своего

малыша, разговаривает с ним, делится своими самыми сокровенными мыслями, своей неистраченной любовью. Татьяна часто видела это в своих мечтах, но почему-то никак не могла увидеть в них отца своего ребёнка, того единственного, с которым она без раздумий связала бы свою жизнь. Вадим был вполне нормальным человеком, даже интересным в общении, не без юмора и как оказалось с пониманием. Но именно такая оценка его качеств и настораживала девушку. Когда Татьяна начинала оценивать мужчину, ей становилось понятно, что это не тот человек, который нужен ей, своего мужчину она бы узнала сразу, сердце бы ёкнуло, подсказало. Поэтому с близкими отношениями она никогда не спешила, ей не хотелось пускать в своё сердце посторонних людей. Тем более, что горький опыт у неё уже был. Но это стало лишь прелюдией к воспоминаниям. Сейчас она хотела сконцентрироваться на том, о чём невольно думала последние дни, не решалась признаться себе в том. Возможно, она боялась разочарований, боялась обмануться, или не желала своими умозаключениями вторгаться в те необъяснимые ощущения, чтобы не нарушить с ними хрупкую связь. То, что она ощутила во время сна, и позже на берегу озера – не умещалось ни в какие разумные рамки, а больше походило на какую-то мистику. В своей книге Татьяна пыталась описать нечто подобное, но чтобы столкнуться с этим воочию, самой... нет, о таком она даже и не помышляла. Уже сейчас, анализируя свои ощущения, она вдруг поняла, что пробудивший её взгляд был ей знаком, если не сказать больше, потому-то она и не испугалась. Но она никак не могла вспомнить глядевшего на неё, его образ почему-то размывался, и все её старания восстановить его в памяти оканчивались ничем. А потом эти осторожные прикосновения и нахлынувшее тепло, в котором было столько бережности, столько нежности... нет, это невозможно было передать словами, не умолив того, что она чувствовала в те минуты. Все её мысленные потуги здесь заканчивались, не в силах понять и объяснить необъяснимое.

За размышлениями Татьяна не заметила, как забрела в самую глушь парка, где встреченные прохожие были уже редкостью. Только сейчас она поняла, что уже смеркается, и решила вернуться на центральную аллею. Но, не пройдя и двадцати шагов, она вдруг остановилась... Неприятное ощущение появилось внезапно, сначала её сердце отозвалось ноющей тоской, а затем предательски отворило двери неведомому откуда появившемуся страху. Противные мурашки не заставили себя ждать, они моментально разбежались по телу девушки, обдав его холодком. Каждой своей клеточкой Татьяна чувствовала этот леденящий взгляд, буквально сверливший её, и не решалась обернуться. Она будто остолбенела, превратилась в ватную куклу, насквозь пропитанную парализующим ядом, и ничего с этим не могла поделать.

Татьяна не знала, сколько простояла в таком оцепенении, совершенно потеряв счёт времени. Но на её счастье совсем рядом раздались громкие голоса шумной компании, и она почувствовала, что хватка незнакомца ослабевает.

Преодолев страх и накотившую слабость, она обернулась. В тот самый момент от старой разлапистой сосны отделился тёмный силуэт. Несмотря на сгустившиеся сумерки, Татьяна всё же чуть-чуть сумела разглядеть незнакомца. Высокий смуглый мужчина в тёмном пальто перед тем как исчезнуть в гуще деревьев ещё раз бросил свой пронзительный взгляд в сторону девушки.

«Господи, что же это было?.. Кто этот человек, что он от меня хотел? Что вообще со мной происходит? Я не понимаю... – теснились в её голове мысли, а сердце продолжало бешено колотиться. – Подожди, подожди... это лицо, его долговязая фигура, одежда... я уже где-то видела его... Или нет?.. Нет, точно видела! Вот только где?.. Боже... Неужели? Нет, такого не может быть...»

Её ноги чуть не подкосились от ошеломляющей догадки...

Едва девушка вошла в свою квартиру, навстречу ей бросилась чёрная кошка и с мурлыканьем стала тереться об её ноги.

– Зара, подожди, не мешай, я только в комп гляну и накормлю тебя, – обнадёжила она кошку и, сбросив одежду, направилась прямо в комнату.

Зара бесшумно поспешила вслед за девушкой, однако мешать не стала, расположившись рядом на кресле, она стала наблюдать за хозяйкой. Татьяна сразу же включила ноутбук и стала нетерпеливо просматривать страницы книги с описаниями одного персонажа. Сравнив вымышленный портрет с обликом незнакомца в тёмном пальто, она вскочила на ноги, несколько раз прошлась по комнате и остановилась у зеркала. Взлохматив волосы, девушка обратилась к собственному отражению:

«Ну что скажешь, близняшка?.. М-да, вариантов у нас немного – или у меня что-то с головой, или над нами кто-то решил подшутить... В своё сумасшествие верить почему-то не хочется, тогда остаётся второе... Так, часть рукописи я давала почитать Светке... зря я это сделала, зря... но она не могла так со мной поступить, я ручаюсь за это, она точно не могла. И всё, больше никому. Тогда кто же?! Нет, подожди, здесь что-то не так... Шутки шутками, но меня же выжали как губку... Кто на такое способен, кто?! Ещё бы немного и всё, спеклась бы Танюшка, если бы не ребята... Странно, куда они потом подевались?.. Ладно, не важно. А если предположить самое невероятное... Помнишь, я тебе говорила об этом? Ты веришь в это? А я вот даже не знаю, это же несуразица какая-то... Или всё же такое бывает, когда часто и подолгу смотришь в бездну зазеркалья. Ты понимаешь, о чём я, близняшка?.. Теперь я ближе к первому варианту, да?..»

Странноватые откровения Татьяны прервал звонок её телефона, она подумала, что это мама, они обычно созванивались по вечерам. Но на определителе высветился незнакомый номер.

– Слушаю, – сказала девушка.

На той стороне молчали.

– Я слушаю вас, говорите!

Несмотря на затянувшуюся паузу, она не стала отключаться, чувствуя, что это не ошибка и звонили именно ей. Лёгкое потрескивание в трубке сменилось какой-то необычной мелодией, продолжавшейся не более минуты, а потом всё стихло. Татьяна непонимающе пожала плечами и позвала свою любимицу:

– Зара, пошли ужинать. Совсем забыла про свою маленькую девочку. Ничего, моя хорошая, сейчас я тебя покормлю.

Кошка отреагировала моментально и повторила недавний ритуал своего расположения к хозяйке. Девушка ответила ей тем же, приласкав руками, она поцеловала свою любимицу в милую мордашку. Шёрстка Зары была гладкая, лоснящаяся и совершенно чёрного цвета, лишь на лбу красовалось маленькое белое пятнышко очень похожее на звёздочку. Татьяна взяла Зару ещё котёнком чуть больше года назад и с тех пор они были неразлучны. Столовалась кошка с двух блюд, в одну тарелочку Татьяна налила молока, а в другую насыпала сухого кошачьего корма.

Только она закончила приготовления, снова раздался звонок, но на этот раз звонила мама. Они обменялись новостями, и Татьяна вернулась на кухню готовить ужин. Эта двухкомнатная квартира досталась ей по наследству от бабушки, которую она очень любила и ещё с детства доверяла свои секреты, о которых не решалась говорить с родителями. Несмотря на разницу в возрасте они были лучшими подругами и постоянно нуждались друг в друге, с бабой Настей она могла всегда выговориться, зная, что та внимательно выслушает и даст дельный совет. До того как выйти на пенсию Анастасия Егоровна работала учителем литературы, насколько Татьяна помнила со слов родителей – бабушку очень уважали и любили коллеги по работе и её ученики, наверно, потому, что она была необыкновенно добрым человеком. Татьяна всегда видела эту неподдельную доброту в её глазах, этот свет, которым она одаривала не только своих родных, но и совершенно незнакомых ей людей. Девушка с трудом пережила

смерть бабушки, ей казалось, что она в один миг потеряла часть своей души, и та оставшаяся в ней половинка уже никогда не сможет жить как прежде. Но время лечит, и спустя два или три месяца девушка почувствовала, что ей стало легче, словно кто-то отпускал её боль. Чуть больше двух лет назад Татьяна переехала в двухкомнатную «хрущёвку» бабушки, где всё напоминало ей о лучших днях своего детства. Родители не возражали, понимая, что их дочь уже повзрослела и нуждается в личной жизни. Именно здесь Татьяна и начала писать, в квартире буквально пропитанной духом литературы и бабушкиной любовью, где сама атмосфера навевала на девушку творческое вдохновение. Татьяна даже не сомневалась, что открывшиеся в ней способности были целиком и полностью заслугой бабы Насти, с детских лет учившую её видеть мир не столько глазами, а больше чувствами, живыми, образными, способными развиваться вместе с воображением и саму душу девочки. Первые стихи она написала ещё в двенадцать лет, чем безмерно обрадовала бабушку, по этому поводу они даже устроили литературный вечер на двоих со свечами под романтические этюды Шопена, которые играли по очереди на пианино. Татьяна часто вспоминала этот удивительный вечер...

Пока Татьяна колдовала на кухне, снова зазвонил мобильник, на этот раз её побеспокоил Вадим. Настойчивый кавалер приглашал её завтра на ужин в ресторан. Она обещала подумать. Татьяну немного забавляли его ухаживания, когда она представляла себя в роли его избранницы, хотя по-настоящему она не видела себя в этом качестве. Но намерения с его стороны были вполне серьёзными, поэтому она и не хотела обижать его категоричным отказом.

Почему-то вспомнив советы бабушки о вкусной и здоровой пище, Татьяна невольно улыбнулась, баба Настя постоянно баловала её всякими полезными вкусностями, но она сама зачастую ленилась, стараясь обходиться тем, что есть на кухне. Вот и сейчас девушка не стала ничего придумывать, ограничившись обычной яичницей с ароматно пахнущим лучком.

После ужина Татьяна решила немного поработать над книгой, и как обычно у неё водилось – мысленно обратилась к своему источнику вдохновения:

«Бабушка, родненькая, я знаю, ты слышишь меня... ты всегда слышишь меня и помогаешь, я знаю... подтолкни меня, освети тропинку, если можешь, а я уж постараюсь не ударить в грязь лицом, я не подведу тебя, бабушка». Откинувшись на спинку кресла, она закрыла глаза, и некоторое время провела в молчании. На этот раз ритуал подействовал. Татьяна увидела, как внутри неё появляются новые образы сюжета, и дала им возможность раскрыться самостоятельно насколько они сами того желали. Всё остальное она уже могла дорисовать собственным воображением. Работа закипела. В такие минуты или часы девушка словно выпадала из реальной жизни, время для неё переставало существовать, а мир её вымышленных героев становился её собственным миром.

Ближе к полуночи вновь напомнил о себе мобильник.

«Я сегодня прямо нарасхват», – с досадой подумала она, всё ещё находясь в своих мыслях.

– Привет, Волошина! Ещё не спишь? – раздался в трубке голос Светланы.

– Света, а ты как думаешь?

– Я и так знаю, за компом опять сидишь, на очки зарабатываешь.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Ну ладно тебе, пошутить уже нельзя... А я по делу. Ты согласилась на приглашение Вадика или ещё в раздумье?

– Уже пожаловался? – хихикнула в трубку Татьяна.

– Ну-у... не совсем так, скорее, посоветовался, он подумал, что тебе не совсем удобно вдвоём...

– А-а, и на подмогу вызвал вас, – не дала ей договорить Татьяна.

– А ты без подколов не можешь? Слушай, Танюшка, мне кажется, он тебя побаивается.

Точно побаивается!

– Света, не смейся, он же такой успешный, такой богатый, уверенный в себе... А я кто?

– Волошина, ты опять цену себе набиваешь? Учти, подруга, ты для него загадка, которую он не может разгадать... От всех дверей ключики нашёл, а от твоих – фиг! Что там у тебя внутри, о чём ты думаешь – это для него тёмный лес. И не найдёт он этот ключик, если сама не захочешь. Танюшка, это же такая власть над мужиком, из него же верёвки вить можно! Он всё, уже ручной, уже в сумочке у тебя!

– Света, ты себя иногда слышишь? Ты что мне советуешь упиваться самообманом, да? Нет, Света, я не хочу себя убеждать в глупости, что Вадик мой единственный шанс в жизни, я точно знаю, что это не так. И вообще, мне неприятен этот разговор.

– Ладно, ладно, уговорила, не буду больше, хозяин – барин. А в ресторан-то пойдёшь? Тань, это же ни к чему не обязывает.

– Света, завтра созвонимся. Хорошо? Всё, пока, я ещё немного поработаю.

– Ну ладно, только не переусердствуй. До завтра, подруга.

Отключив телефон, Татьяна почувствовала накатившую усталость. Сонно взглянув на расплывающийся текст, она поняла, что ещё минута и всё, заснёт прямо здесь в кресле. Дальше всё происходило как в тумане, она еле дотащилась до кровати и рухнула на неё без сил прямо в одежде...

Гигантский сферический объект неожиданно вынырнул из темноты небесного океана, озарив образовавшийся разрыв яркой вспышкой, и величественно поплыл по просторам соседней галактики. Казалось, что своим таинственным сиянием он бросает вызов величию самих звёзд, их безраздельной власти на небе. Нарастивая скоростное скольжение, сфера незаметно трансформировалась в эллипсоидный корабль – плазмоид, который без преувеличений был способен вместить в себе целый город...

Она находилась внутри дышащего самосветящегося пространства и была уверена, что это космический корабль, хотя о причинах своей уверенности не смогла бы сказать, она просто знала и всё. И она точно знала, что сейчас вокруг корабля, сверху и снизу – простирается бесконечный космос, усыпанный живым мерцающим бисером далёких и близких звёзд. Ей нестерпимо захотелось хоть одним глазком взглянуть на эту загадочную красоту, но внутри корабля не было ни мониторов, ни компьютеров и даже элементарных иллюминаторов. Но как только она об этом подумала, внешняя оболочка корабля словно прослезилась и стала абсолютно прозрачной, раскрывая во всей красоте звёздную панораму космоса.

– Господи... – только и смогла выдохнуть она, оказавшись один на один с беспредельностью звёздных миров. Ей казалось, что она зависла в этом необъятном пространстве, совсем лишившись опоры.

Но первые мгновения испуга сменились восторженным трепетом, и она уже не могла оторвать глаз от этого величия, заморожено впитывая открывшимся сердцем улыбки небесных светил.

– Синтара, ты почему ещё здесь? Мы уже подходим к расчётным координатам базирования. Ты не забыла о своих обязанностях? – раздался где-то внутри неё голос.

Она огляделась по сторонам, но никого не увидела. Однако свой ответ её очень удивил:

– Я помню, Арагел.

– Тогда займись вместе с Урсаном подготовкой группы к эвакуации, челноки уже готовы.

– А он разве не в группе?

– Нет, у него, как и у тебя будет особое задание. Телепортироваться будете отдельно.

– Это твоё решение?

– Оно согласовано с Собором посвящённых.

«Странно, почему они так быстро всё переиграли», – подумала она, но спросила совсем о другом:

– И в чём будет заключаться его работа?

– Я не узнаю тебя, Синтара, слишком много вопросов. Ты успела адаптироваться к новым условиям?

– Да... я готова, – немного замялась она.

– Вы будете действовать автономно друг от друга и тебе не нужно пока знать о его задании. Инструкции получите после эвакуации наблюдателей. Иди, Урсан ждёт тебя.

– Я поняла.

Пока они вели беседу, оболочка корабля вернулась в прежнее состояние, а перед ней раскрылся объёмный монитор, на котором было видно, как к ним с огромной скоростью приближается голубая планета. В следующую секунду корабль включил систему торможения и стал медленно пришвартовываться к заданной точке координат. Она переключила своё сознание на эвакуационный отсек и моментально оказалась среди группы полупрозрачных существ, формы которых чем-то напоминали человеческие...

Татьяна вскочила с кровати, спросонок пробормотав себе под нос:

– Этот корабль живой, это он разговаривал со мной...

Лежавшая рядом Зара тоже приподнялась и непонимающе уставилась на хозяйку. Татьяна погладила кошку и та успокоилась. Ещё полусонная, девушка стала интенсивно растирать пальцами виски и, смахнув капельки пота со лба, облегчённо выдохнула:

– Фу-у, это сон... а я уже подумала...

«Странно, такое ощущение, что это уже было со мной... нет, глупости, такого не могло быть... Может, я видела похожий сон раньше? И имена как в моей книге... Может, простая ассоциация? Не знаю. Надо же такому присниться», – промелькнули в её голове мысли.

Увидев на себе халатик, в котором провела ночь под покрывалом, Татьяна в недоумении пожалала плечами:

«Не помню, как здесь оказалась, как укрылась... И почему постель не расстелила? Ммм... после Светкиного звонка ничего не помню, кроме этого сна».

Потом она взглянула на часы и ахнула, понимая, что опаздывает на работу. Сегодня она обещала Ирине прийти пораньше, чтобы открыть магазин, её напарница предупредила, что задержится.

Времени едва оставалось на душ, лёгкую косметику и завтрак Заре, а о чашке кофе уже и не приходилось мечтать.

«Ладно, в магазине попью», – уговорила себя она, направляясь в ванную.

Через полчаса её каблучки звонко зацокали по лестничному маршу вниз.

У

Несколько дней он пытался понять – почему выбрал именно её из огромного числа таких же «звучащих», но пока не мог, хотя чувствовал, что этот выбор не случаен. Он увидел в ней то, что не находил в других, в ней таилась загадка, и эта загадка неудержимо влекла его к девушке. Следуя за ней тенью, он всё больше убеждался в своей правоте, ощущая с этим хрупким созданием, со своей Звёздочкой, как он стал её называть, невыразимую близость. После неосознанного порыва с его стороны на берегу озера, когда девушка почувствовала его прикосновения и растерялась, он стал осторожней. Ему не хотелось травмировать её излишней назойливостью и он решил постепенно приучать её к своему присутствию, полагая, что рано или поздно между ними установится некое понимание.

Ему было хорошо в скромном жилище девушки, где долгое время обитал светлый дух её наставницы, он сразу же это понял, когда вошёл за ней в первый раз. При его появлении незримая наставница была ещё там, она осветилась неподдельной радостью, будто ждала именно его.

– Теперь я могу быть спокойной, моя девочка в надёжных руках. Храни её, так же как и я. А мне пора, меня уже ждут.

Он попытался остановить её, надеясь получить хоть какое-то разъяснение:

– Подожди, не уходи, мне нужно с тобой поговорить.

Но та была немногословна:

– Ты всё узнаешь сам, не торопись. Прощай.

В тот же момент она исчезла и больше здесь не появлялась. Но ему почему-то казалось, что они ещё встретятся, пускай не так скоро, но обязательно встретятся. Кроме духа наставницы в доме оказалось ещё одно живое существо – маленький чёрный друг Звёздочки. Это чуткое существо сразу же обратило на него внимание, однако беспокойства не проявило, не почувствовав в нём угрозы для себя и своей хозяйки. И в последующем они довольно мирно уживались на одной территории.

Как и у многих других в жизни Звёздочки были свои маленькие секреты и касались они её самых сокровенных чувств, свой внутренний мир она считала некой святыней, оберегая его как зеницу ока, и далеко не каждый мог в него попасть. Язык бы не повернулся назвать такую скрытность неискренностью, ведь она никогда не кривила душой, хотя могла кое-то утаить, что-то недосказать во благо другому, однако при этом ни разу не солгала себе, уж он-то это знал.

Больше всего его поражал рисунок её души, с подобными знаками он здесь ещё не сталкивался, в этой живой картинке он смог разглядеть то, что подтверждало его догадки. Звёздочка имела очень тесную связь со своей душой, могла её слышать и даже настраивать как волшебную арфу, но делала это не совсем осознанно, скорей, по наитию. Называя душу разными именами, девушка почти всегда безошибочно находила к ней самый короткий путь и получала ответный отклик. Но в последние дни ей было нелегко это делать, что-то мешало ей, отвлекало ненужными мыслями, не давая сосредоточиться. Он быстро понял, что здесь не обошлось без постороннего вмешательства, невидимых игроков он тут же окрестил – «незримыми» и отдал им должное, своё дело они знали. Блокируя сознательную активность в голове Звёздочки, они пытались добраться до более глубоких слоёв её памяти. Кто-то из сильных мира сего посчитал её опасной для себя или для каких-то далеко идущих планов, поэтому её и взяли под пристальный контроль. Уже дважды он спасал Звёздочку, но чувствовал, что этим дело не закончится. Во второй раз его противником оказался настоящий «охотник», очень сильный и цепкий, но и его возможности были не меньше. Тогда они разошлись миром, но всё ещё было впереди, он знал это. Теперь и за ним неотступно присматривали, он постоянно ощущал на себе цепкие взгляды соглядатаев, однако приближаться к нему те опасались. Без сомнения «незримые» признали в нём очень серьёзного противника и были озабочены его появлением на планете, оттого и не спешили форсировать события, решив разузнать о нём побольше. Как ни странно, но в этом их желания совпадали, цель его миссии до сих пор оставалась невыясненной, и именно со Звёздочкой он связывал надежды в этом вопросе. Ведь не зря же знаки судьбы притянули его к ней. Вот только далёкое прошлое Звёздочки никак не поддавалось его видению, он смог лишь разглядеть нынешнюю жизнь девушки, а всё, что было за ней оставалось для него загадкой. И это поражало его, он без особого труда научился проникать в глубинную память «звучащих», а здесь оказался бессилён. Ему всё чаще казалось, что у Звёздочки никогда не было земного прошлого, а то, что она проживала сейчас, являлось лишь прикрытием, бутафорией для любопытных глаз. Возможно, скрытая судьба девушки была чьей-то хитроумной задумкой, и ей ещё предстояло сыграть свою самую важную роль. Он не знал этого наверняка, но интуиция настойчиво шептала ему о правоте своих суждений.

Повсюду сопровождая Звёздочку, он знакомился с её окружением, анализировал их мысли, чтобы быть уверенным в её безопасности. В последние дни его очень заинтересовали сны девушки, и он стал сопровождать её даже там, не желая оставлять её душу без присмотра.

Когда он просматривал вместе с девушкой её рукопись, внутри него что-то происходило, что-то менялось, он чувствовал, что вот-вот ухватится за ту самую ниточку, тянущуюся из его прошлого. Пока это были отдельные вспышки каких-то событий, неясные образы, но они зажигали первые огоньки надежды на близость очень важных для него открытий. Вот поэтому он с

затаённым дыханием следил за её творческими замыслами, за каждой новой строчкой, ложившейся на страницы книги, и радовался любой удачной находке. Ему даже казалось, что рядом со Звёздочкой он обретает вполне осязаемую форму, почти, как у «звучащих», и девушка вскоре сможет не только почувствовать его, но и видеть.

Пока она работала в магазине, он успевал совмещать приятное с полезным, пристрастившись просматривать стоявшие на полках печатные рукописи. Несмотря на то, что он совсем ничего не помнил о подобных источниках информации, всё равно довольно быстро нашёл способ для считывания с них самого главного, не прибегая к трудоёмкому и утомительному чтению, как это обычно делали «звучащие». За несколько дней он сумел закачать в хранилища своей памяти практически всё, что там находилось. О безусловной пользе такого неразборчивого поглощения литературы можно было, конечно, спорить, но немало полезного для себя он всё-таки вынес.

Его многое интересовало в истории планеты, но взаимоотношения полов стояли на первом месте, потому что в игре противоположных энергий он видел огромную силу, способную менять реальность, и знак такой силы мог быть как созидательным, так и разрушительным, всё зависело от вектора приложения. В процессе своих исследований он неплохо изучил собирательные образы «звучащих» и довольно много о них узнал. Простудировав библиотеку Звёздочки, он обогатился неоценимыми переживаниями авторов, вкладывавших свои чувства в сюжеты книг, это была совершенно другая точка зрения и она существенно расширила его понятия о земном мире, которые стали обретать хоть и не совсем законченные, но уже более правдивые формы.

Наблюдая за посетителями магазина, он увидел, как к Звёздочке подошла её знакомая. Эта женщина часто навещала магазин и, хотя была не совсем откровенной со своей подругой, опасения у него не вызывала. Вот только своей словоохотливостью она немного утомляла его, но зато являлась любопытным типажом для наблюдения, потому что не совсем вписывалась в его собирательный образ. Прислушиваясь к разговору подруг, обсуждавших открытие какой-то выставки, он продолжал думать о своём. Он не вмешивался в дела Звёздочки и с пониманием относился к любому её выбору, однако в последнее время один из её знакомых стал настораживать его. С этим человеком что-то было не так, фон его мыслей мог кардинально меняться, и это происходило помимо его воли. У него не было сомнений, что кто-то держал его на своём «властном крючке», используя его душевные слабости. Вот только зачем? Связав свои наблюдения и случай в парке, он был почти уверен, что все события не случайны и имеют между собой тесную связь.

Внезапный импульс остановил ход его мыслей, его звали, причём очень настойчиво. Покидать Звёздочку ему не хотелось, но интрига всё же пересилила, источник мог иметь важную информацию. Оставив девушку на попечение подруги, он устремился к месту предполагаемой встречи. Пролетев сквозь ленточки улиц, он оказался в том самом парке, где произошёл неприятный для Звёздочки инцидент. Он сразу определил того, кто посылал ему сигнал. Незнакомец в облике «звучащего» мирно сидел на скамейке и читал какую-то газету. Желая проверить реакцию незнакомца, он зашёл уже со спины и замер в ожидании.

– Не прячься, Урсан, я знаю, что это ты, – спокойно произнёс тот, не поворачивая головы.

– Как ты меня назвал? – удивился он.

– Урсан. Это твоё имя. Ах, да, ты забыл... м-да, с памятью у тебя не важно.

Он уже слышал это имя. Повторяя его про себя, он ощущал, как имя резонирует с его духовным сердцем, сердце помнило его и с радостью отзывалось.

А тем временем незнакомец продолжал:

– Странные коллизии судьбы, странные... Не находишь? Ты миллионы лет стремился к тому, что люди называют – Богом и уже, по сути, им стал... а потом в один миг смог забыть своё имя и прошлое. М-да, забывший своё прошлое рискует потерять и предназначённое ему

будущее. Ну, ничего, это поправимо, бывает, что достаточно вытащить из чьей-то памяти всего лишь один малюсенький штришок и глядишь – всё, стена забвения уже рухнула, рассыпалась как картонный домик...

– Ты что-то знаешь обо мне? – с некоторым волнением произнёс новоиспечённый Урсан.

– Кое-что знаю, иначе бы не приглашал тебя. И больше того, я готов подсказать тебе тот самый штришок.

– И что же взамен?

– Хм... ты догадлив, мой друг. Но сначала я немного проясню ситуацию. Как ты, наверно, успел заметить – этот трёхмерный мир не так прост, как кажется, в нём столько тайн и скрытых течений, не говоря уже о тех, кто правит здесь бал. Да, да, вижу, что ты в курсе некоторых вещей.

– Если ты насчёт конструкции планеты, то да, я заметил, что она изолирована от интеллектуального космоса защитной сферой, и что до последнего времени существовала строгая дозировка внешних информационных потоков и до сих пор происходит фильтрация человеческих мыслей на выходе из кокона. Не подскажешь – зачем?

– А как же иначе? Там наверху никто не желает утечки «мусора», в свободном плавании он мог бы обратиться вирусом даже для высокоразвитых цивилизаций.

– Но этот мир варится в собственном соку своих же порождений, для людей с тонкой душевной организацией здесь несколько душновато. Разве не так? – настаивал на своём Урсан.

– Ну, как раз этому есть объяснение: из гущи тьмы ярче восхождение. В этой жизненной круговерти обрящут только ищущие и чуткие, – не задумываясь, ответил Посредник.

– А остальные?

– Изначально они все были в равных условиях, и даже сейчас не важно какое они занимают место в обществе, важно то, кто из них готов прозреть. Знаешь, Урсан, в трёхмерной реальности существует такое понятие – естественный отбор, для каждой человеческой фракции уже уготовано своё духовное сито, и такой подход отвечает принципам эволюции. Я предлагаю к этому вопросу вернуться позже. А сейчас меня интересует, что ты выяснил насчёт двух векторов земной власти?

– Пока немного. Надеюсь услышать это от тебя, – отдал свой ход собеседнику Урсан.

– Хорошо, если в двух словах, то этот спор двух внеземных сил начался очень давно и продолжается по сей день, одним по праву принадлежат небесные сферы, другим чрево нижних и средних астральных миров, но те и другие борются за души человеческие здесь на Земле. На данный момент на планете сложился относительный баланс сил, и я бы не хотел, дабы кто-то его нарушил, я не склонен поддерживать ни одну из сторон противостояния, я посредник и моя миссия в том, чтобы сохранять это самое равновесие, не смотря ни на что. Но ситуация складывается так, что вмешательство может стать необходимостью, в противном случае пространственный хаос может спутать планы многим посвящённым...

– Всё что ты сказал, Посредник, мне уже знакомо, я успел сделать некоторые выводы. Но я не совсем понимаю – зачем тебе я?

– Не спеши, я не договорил. Ты как раз и представляешь одну из сторон, однако твоё появление здесь оказалось несвоевременным, ты несколько задержался в иных мирах по неизвестным мне причинам... теперь ты здесь, и с тобой пришла неучтённая сила. Но это не так страшно при разумном её использовании, проблема в другом, дело касается рукописи твоей подопечной. Ты же знаешь о ней, так?

Урсан не стал отрицать и попытался просканировать мысли Посредника, но тот оказался крепким орешком. Урсану пришлось принимать предложенные правила игры.

Между тем Посредник продолжал:

– Так вот, эта книжица очень непростая, она писана уникальным ключом одной древней цивилизации. По сути, сама рукопись является ключом от информационных кодов, которыми

очень-очень давно были запечатаны врата портала, ведущего... ну, скажем так – в один очень интересный мир иной реальности. Не спрашивай, где он находится, не отвечу, если честно, сам не знаю, скажу лишь одно – в ближайшем будущем врата должны быть вновь распечатаны. Ты не хуже меня понимаешь, что потенциалы двух миров сильно разнятся по световой плотности и для их слияния нужны определённые предпосылки. Вероятно, ты смог заметить, что такая подготовка уже ведётся, в данный момент информационная память планеты проходит мощную чистку, дабы менее болезненно принять новые энергии. Они нужны, они послужат обновлению планеты, и этот срок, как я уже говорил, практически созрел. В дальнейшем трёхмерное пространство будет полностью замещено энергиями более высокой реальности. Но у любой медали есть и обратная сторона, ваши визави не хотят гармоничного слияния миров, это нарушит их планы на мировое господство. А посему на нашу девочку откроется настоящая охота.

– Допустим. Но причём здесь ты, Посредник, ты же, как я понял – лицо нейтральное? Какая в том твоя выгода? И почему меня не позвали те, кто имеет на это право? – резонно заметил Урсан.

– Согласен с тобой, это выглядит не совсем обычно. Почему с тобой до сих пор не связалась твоя сторона – не знаю, может, у них на тебя есть другие планы, или ты их пока устраиваешь в таком качестве. Но они точно знают о тебе, поверь мне, они значительно раньше нас зафиксировали сигнал о твоём возвращении. А насчёт своей выгоды скажу так – я очень не хочу, чтобы Земля раскололась на множество бессмысленных осколков раньше времени. Считай, что сейчас я выступаю не как посредник, а как гражданин мира. Ты можешь этому верить или нет, но это правда.

– Похоже на бунт в стане посредников, – с долей иронии заметил Урсан.

– Это моя личная инициатива и другие не в курсе.

– Ещё один вопрос: откуда ты знаешь про меня? Я чувствую, что ты не всё мне сказал. Если я не получу ответа сейчас, разговор не состоится, – решительно заявил Урсан.

– Скажу так, некоторое время назад на Землю высадились группа наблюдателей из сопредельной галактики, перемещение происходило разными способами и с разными целями, основная группа уже выполнила часть своих задач и возвратилась на околопланетную базу, а двое самых квалифицированных экспертов где-то затерялись. Уже позже по своим каналам я узнал, что с одним из них произошла неприятность, он угодил то ли в квантовую воронку, то ли в один из рукавов отрицательной мерности, точно не знаю, одним словом, он исчез из поля зрения центральной космической базы. Ну, а с твоим появлением я смог решить эту несложную задачку с двумя неизвестными. Вот тебе мой ответ.

– Попробую поверить. Хорошо, предположим, что они смогут найти ключ и открыть портал раньше времени... Тогда земной мир затопит неуправляемый хаос, я прав? – произнёс Урсан.

– Не просто хаос, а наступит вавилонское столпотворение и не только планетарного масштаба, – в голосе Посредника послышались тревожные нотки. – И я даже затрудняюсь прогнозировать последствия, если наступит полная разбалансировка вращения планеты, колебания наклона её оси уже критические, резкая смена полюсов крайне нежелательна.

– А разве нельзя как-то заблокировать информацию в книге хотя бы на время или сделать копию файла, а основной файл стереть с компьютера?

– Мы думали об этом, но, увы, не всё так просто... информация уже находится внутри твоей подопечной, она уже сама стала информационной матрицей, или ключом, как тебе будет угодно, осталось лишь подобрать его активатор. Вопрос в том – кто это сделает первым?

– Странная постановка вопроса... такая важная проблема не может быть пущена на самотёк, это же очевидно.

– Нет, конечно. За девочкой присматривали, но всё делалось в строжайшей тайне даже от нас посредников. Мы совсем недавно почувствовали опасность и сразу же запросили инфор-

мацию. Однако нам только намекнули на отдельные моменты общего плана, а всё остальное нам пришлось домысливать и перепроверять самим. Как мы поняли, изначально в стратегию плана были посвящены немногие.

– И ты сразу причислил меня к тем самым немногим? Откуда такая уверенность?

– Уже теплее, – с хитринкой в глазах сказал Посредник. – Урсан, я понимаю твоё нетерпение знать больше, но давай не будем спешить...

– И что же ты хочешь от меня? Чтобы я залез к Звёздочке в мозги и перекодировал таймер, чтобы активатор не сработал раньше времени? – в словах Урсана вновь слышалась ирония.

– Интересно, а почему ты её так называешь?

– Даже не знаю, мне она сразу показалась какой-то особенной, не от мира сего, вот и назвал. И всё-таки, ты не ответил.

– В отличие от тебя и тех, кто на твоей стороне мы не можем непосредственно влиять на её свободную волю.

– Ты действительно хочешь предложить это мне? Но это абсурд! Как же тогда план, о котором ты только что обмолвился? Ведь сам же говорил, что посвящённые держат ситуацию под контролем.

– Держат, но не совсем... есть подводные течения, о которых они пока не знают. Нет, Урсан, я не заставляю тебя влезать в мозги нашей девочки, а предлагаю кое-что другое. Я придумал одну хитроумную комбинацию и готов поделиться с тобой, если согласишься на мои условия, – до сих пор темнил Посредник.

– Посредник, а почему именно её ты считаешь вторым неизвестным? И кто вообще затеял всю эту игру, зачем столько сложностей? Ведь можно было просто направить посланника от хранителей ключа в нужное время и всё, – словно не слыша его, произнёс Урсан.

– Хороший вопрос, – усмехнулся Посредник, не спеша с ответом. – На эту роль она была выбрана неслучайно, главным режиссёрам нужна была именно она, или точнее – сущность с человеческими качествами этой эволюционной расы. Так что – наша девочка с изюминкой. Я думаю, ты скоро сам догадаешься, с чем были связаны такие условия. Ты же не просто так прибил к ней, это не случайность, а закономерный итог. Да ты и сам всё чувствуешь. Так?

– Допустим. Что дальше?

– А дальше ты будешь получать ответы по мере выполнения наших договорённостей. Урсан, мы должны заключить с тобой соглашение, я уверен, мы оба заинтересованы в этом. На кону жизнь планеты, она должна ещё послужить людям.

– Сколько же мне ещё предстоит разгадать этих замысловатых ребусов, – задумчиво проговорил Урсан, думая о чём-то своём.

– Предлагаю объединить наши усилия и разгадывать их вместе, – предложил Посредник. – Так ты готов услышать то, что хочешь знать в обмен на небольшую услугу?

– Похоже, выбор у меня невелик.

– Если это – «да», то ты должен согласиться на мои условия.

– Я согласен выслушать тебя, а дальше – поглядим, – ответил Урсан.

– Иного я и не ожидал, – удовлетворённо кивнул Посредник.

Они разговаривали на понятном друг другу языке, причём Посредник совсем не открывал рта. Ни один проходящий мимо человек никогда бы не заподозрил, что сидящий на скамейке мужчина в данную минуту решает такие важные мировые проблемы.

Однако, как минимум две пары незримых ушей очень внимательно вслушивались в этот странный разговор.

VI

В этот день Татьяна ушла с работы немного раньше, чтобы успеть к открытию выставки Полянского. В своих кругах Валера был довольно известным художником, а некоторые автори-

тетные критики даже прочили ему большое будущее. Татьяне трудно было судить об этом, особым знатоком живописи она себя не считала, но некоторые работы Валеры ей по-настоящему нравились. В них чувствовалась жизнь, игра страстей, загадка и недосказанность. Валера не относил себя к сторонникам какого-то определённого стиля, в его картинах могло уместиться всё что угодно – от реализма до полной абстракции со всей её смысловой пестротой. И самое интересное было в том, что разные направления вполне комфортно уживалось вместе, даже дополняя друг друга. Он постоянно искал новые пути, по его словам – чтобы найти возможность совместить, на первый взгляд, несовместимые вещи и утончить грань между общепринятой реальностью и тем, что в неё не укладывалось. Собственно этим он и заинтриговал Татьяну, она тоже искала нехоженые тропинки в своём творчестве. И вообще Валера нравился ей как человек, с ним было интересно общаться, он много знал и к жизни относился без «штампов», как-то по-философски, что ли. Правда, он был немного себе на уме, но ярлыков по этому поводу на себе не носил, в творческой среде это всегда считалось нормальным. Волошина и сама этим грешила.

Дома Татьяна переделалась в своё единственное вечернее платье, которым пользовалась очень редко именно для таких случаев, привела себя в порядок и вызвала такси. От услуг Вадима она отказалась, хотя тот откровенно набивался в попутчики. К началу презентации она немного опоздала и чтобы не привлекать к себе внимания, незаметно смешалась с приглашёнными на выставку людьми. Пока виновник торжества в окружении репортёров рассказывал о своём творческом пути, Татьяна решила спокойно осмотреться. На противоположных стенах просторного зала во всю его длину размещались полотна Валеры, среди которых Татьяна отметила уже знакомые ей, но были и новые работы. Прислушиваясь краем уха к негромким голосам людей, она всё дальше отходила от места презентации, задерживаясь возле новых картин Полянского. Сейчас её интересовали не столько детали, а самое первое впечатление, ощущение эмоционально-чувственного фона картины. О том, что художественные полотна умеют разговаривать и даже влиять на людей девушка узнала ещё от бабушки, а позже не раз могла убедиться в правоте её слов. Каждая картина обладала своим особым характером и скрытой энергетикой, всё зависело от умения установить с ней контакт, наладить ту незримую чувственную связь, посредством которой можно было прикоснуться к замыслу художника. Одна из новых работ Валеры не просто заинтересовала Татьяну, а в первую минуту вызвала что-то вроде оцепенения, она не могла поверить в то, что видела и чувствовала. С большого двухметрового полотна на неё глядели «Маски добродетели» (работа так и называлась), обладателями которых были сильные мира сего, ряженные в дорогие одежды вельмож, королевские мантии и сутаны. А в окружении этих властных персонажей на небольшом островке зелёной лужайки, залитой нежно-золотистым светом, юная девушка собирала цветы. От этого островка исходило столько тепла и света, что Татьяна на секунду зажмурилась от переполнявшего её блаженства. Чем дольше она вглядывалась в сюжет солнечного рая на завуалированном фоне шестиконечной звезды, тем сильнее он очаровывал её сердце. Она даже не заметила, как что-то буквально втянуло её сознание внутрь картины. То, что она увидела там – просто ошеломило девушку! Она оказалась в объятиях ранней летней ночи в тот самый момент, когда мириады звёзд уже вспыхнули во всей своей красе на таинственной синеве южного неба. Минуту или две, затаив дыхание, она созерцала это чудесное великолепие, не смея о чём-либо думать, пока не увидела золотистую тропинку, уходящую в ночную даль. Тропинка появилась неожиданно, словно по мановению волшебной палочки. Татьяна ступила на неё и пошла навстречу прекрасной неземной мелодии, лившейся откуда-то издалека. Ей показалось, что она уже слышала её где-то...

Татьяна даже не поняла, что её вытолкнуло обратно, всё произошло так быстро и неожиданно. Она оглянулась по сторонам, желая убедиться, что никто из окружающих её людей не заметил произошедших с ней странностей. Но все были заняты своими делами. Глубоко вздохнув, чтобы освободиться от остатков своих видений, Татьяна отступила на шаг назад.

Теперь её заинтересовал внешний фон полотна, где расположились другие персонажи. Сейчас ей показалось, что она уже видела их где-то. Это навязчивое ощущение поселилось в её сердце и не давало покоя. Благопристойные на вид взгляды вельмож и священнослужителей были обращены к девушке, но что-то в них было не так, что-то заставляло Татьяну сомневаться в их искренности. Сначала она не поверила, подумала, что ей померещилось, и чтобы проверить себя расфокусировала зрение. Нет, она не ошиблась, лица сильных мира сего менялись прямо у неё на глазах, превращаясь в омерзительных существ, готовых в любую секунду погубить невинное создание. Чем дольше она вглядывалась, тем отчётливее видела, как тянутся к девушке их липкие удлинняющиеся руки с единственным ненасытным желанием – задушить её непорочную красоту. Она предприняла попытку добраться до их тайных помыслов, чтобы увидеть в них хоть малейшие проблески человечности, но вместо этого наткнулась на злое щие гримасы. В них не было сострадания. Татьяна ощутила невыносимую тоску... Но потом вдруг ясно поняла, что замысел полотна нельзя воспринимать лишь по отдельным фрагментам, он был неделим и только благодаря этому сохранял хрупкое равновесие. Невинная душа девушки с картины находилась в безопасности, пока хранила свою чистоту, и намерения зла казались ничтожными если не находили отклик у стороннего наблюдателя картины. Татьяна с облегчением вздохнула и попыталась осмыслить только что увиденное:

«Не может быть... Как он это смог, как у него получилось? Ведь это мои мысли, мои чувства, мои... удушливые объятия добродетели, как это знакомо мне... то, что я хотела раскрыть в книге, ту основную мысль он перенёс сюда и уместил в этих образах на полотне... он передал весь смысл, у него вышло, получилось...»

– Ну как моё творение? – неожиданно раздался за её спиной знакомый голос.

– У меня нет слов... – растерянно проронила Татьяна. – Как ты это смог передать?

– Значит, удалось, да, Танюша?

– Валера, на все сто! Но как?

– Хе-хе, всё благодаря тебе, труженица, – хитринкой блеснули глаза Полянского. – Ты уж извини, Танюша, не удержался, подглядел эту мысль в твоей книге, пока моей благоверной не было. Меня будто током ударило! И всё, всё стало ясно как божий день. Таня, это лучшее что у меня есть, здесь всё живёт, всё переплетено, связано как в нервах жизни. А главная интрига? Ты увидела это двойное дно?

– Да, да, ты прав, всё так и есть, я увидела это и прочувствовала, каждой своей клеточкой прочувствовала! Но почему ты раньше мне не сказал?

– Знаешь, Тань, мне ведь важно именно твоё мнение, вот и хотел, чтобы ты сама без подготовки... одним словом, решил сделать тебе сюрприз.

– И ещё какой! Валера, ты просто гений, правда!

– Скажешь тоже... ну, всё равно – спасибо, Танюша. Да, есть ещё кое-что, я хотел с тобой посоветоваться...

Но договорить он не успел.

– Ах вот они где! – ворвалась в их разговор Светлана. – Валерка, ну ты хоть совесть бы поймел, твоя выставка, а мне отдуваться приходится! Все уже тебя обыскали, куча вопросов у людей, а они тут шушукаются! И ты, подруга, тоже хороша, тихушница! Проплыла мимо нас как белый лебедь, потупив глазки. Думала, не заметим? Нет, милая, Светлана Борисовна всё видит, от меня так просто не упорхнёшь.

– Я тоже рада тебе, Светочка, хорошо выглядишь, – с улыбкой отпарировала Татьяна.

– С вами, дамы, не соскучишься! Ладно, мать, веди уж на эшафот бедного художника, – не смог скрыть улыбку Полянский, притворно вздыхая:

– Уф-ф, как меня утомила вся эта светская возня.

– Надо, Валерочка, надо, привыкай, – ответила Светлана, демонстративно беря под руку мужа, и уже на ходу обернулась к Татьяне:

– И ты, Волошина, не отставай, тебя тоже ждут...

Тем временем посетители выставки начали рассыпаться по залу, вполголоса обсуждая работы Валеры.

Пока Татьяна следовала за Полянскими, то не раз ловила на себе мужские взгляды, как впрочем, и женские. За впечатлениями от картины и разговором с Валерой она совсем забыла про своё вечернее платье с выразительным декольте и пикантным боковым разрезом и что высокие каблуки придают ей особую женственную элегантность.

Промелькнувшая мысль её даже позабавила:

«Всё как всегда, то ли выставка картин, то ли нарядов вместе с прелестями их обладательниц. Смешно. Ладно, Таня, ты же женщина всё-таки и, причём довольно привлекательная. Пускай любят, а кто не хочет – пусть завидует».

На неё иногда находило такое игривое настроение.

Реакция Вадима на её появление была вполне предсказуема:

– Танечка, вы... вы просто обворожительны, вы женщина во всех смыслах, я даже вас не узнал.

– Спасибо, Вадим. А если не узнали, то долго жить буду, – нисколько не смутилась Татьяна.

Она уже успела примерить на себя новую роль и чувствовала себя вполне раскованно.

– Танюшка у нас умеет перевоплощаться, когда захочет, конечно, – со смешинкой в глазах заметила Светлана.

С этой минуты Вадим не отходил от Татьяны. Он то и дело одарял девушку комплиментами, при этом старался коснуться её руки, или слегка пожать её тонкие пальцы, на что Татьяна благосклонно отвечала молчаливой улыбкой. Можно сказать, что вечер удался, некоторая нервозность организаторов выставки, ощущавшаяся вначале, давно забылась, а взамен появилось чувство заслуженной эйфории. Тем более, что картины пользовались успехом и даже продавались. Публика в зале постоянно менялась, оставались только приглашённые на банкет, но их уже мало интересовали работы Полянского, а разговоры они вели больше на отвлечённые темы. Валера и сам немного подустал от внимания и нескончаемых вопросов между поздравлениями, и реагировал на них уже без прежнего блеска в глазах.

Уже перед самым закрытием, когда заждавшиеся гости оживлённо потянулись в банкетный зал, в галерею вошёл представительный седовласый мужчина и без раздумий направился к той самой картине, которая так заинтересовала Татьяну. Он не стал, как многие знатоки живописи разглядывать её под разными ракурсами, меняя угол зрения, а просто уставился на неё немигающим взглядом и простоял так не менее пяти минут. Потом удовлетворённо кивнул, что-то прошептав одними губами, и рукой подозвал к себе Полянского, безошибочно угадав в нём хозяина полотна. Этот жест удивил Татьяну, в нём чувствовалась властная воля, не терпящая отказа.

Пока Валера с незнакомцем обсуждали какие-то связанные с картиной вопросы, Татьяна смогла лучше разглядеть этого человека. Её сердце нервно забило, как и тогда в парке лишь только она увидела его глаза. Они были разными, один – тёмно карий, другой – светло-серый, почти голубой. Всё повторялось, её книжный герой, как две капли воды походил на этого человека или наоборот. Но факт оставался фактом, девушку преследовал либо плод её воображения, либо реальные люди, с которых писались книжные образы. Первый вариант даже в голову её не укладывался. А если рассматривать второй – то откуда она могла их знать?

Её размышления прервал голос Светланы:

– Ну что, Валерочка? Что этот солидный дядечка от тебя хотел?

Увлёкшись своими мыслями, Татьяна даже проморгала возвращение Полянского.

Подошедший Валера недоуменно развёл руками:

– Ничего не понимаю... он мне такую сумму отвалил только за то, чтобы я не продавал «Маски», и сегодня же снял с выставки. А ещё он сказал, чтобы я никому не показывал её хотя бы полгода особенно после захода солнца. И слово с меня взял, просто слово и всё. Странноватый господин, однако.

– А деньги где? – сразу полюбопытствовала Светлана.

– Вот чек выписал, в долларах, – сказал Полянский, засунув руку во внутренний карман пиджака.

– Ва-а, ничего себе! – не сдержалась от возгласа Светлана, когда ознакомилась с циферками в чеке. – Валерка, я просто уверена, что тебе не нужно задавать лишних вопросов, делай, как он велел и точка. Это судьба – не иначе! Нет, такое счастье надо вспрыснуть и прямо сейчас!

– А как насчёт бесплатного сыра в мышеловке, доверчивые вы мои? – подбросил шепотку сомнений Вадим. – Не боитесь подвоха? Что-то меня здесь настораживает...

Но Светлану уже трудно было остановить:

– Да брось ты, Вадик, у богатых свои причуды! Сам ведь богатенький, лучше меня знаешь. Что мы теряем? Картина у нас, деньги тоже.

– В принципе, так оно... но лично я не стал бы так разбрасываться деньгами да ещё незнакомому человеку.

– А может, он меценат, ну для таких вот дарований среднего возраста как Валерка! – рассмеялась Светлана. – А ты что молчишь, Волошина, опять в себя ушла?

– Да нет, Света, я уже на поверхности, только сказать нечего, одни загадки, – задумчиво проговорила Татьяна.

В этот момент со стороны банкетного зала, находившегося в соседнем помещении, послышался женский голос:

– Валерий Викторович, Светлана Борисовна, ну где же вы? Вас уже все заждались!

– И друзей ваших приглашайте! – поддержал её мужской баритон.

– Идём, идём! – крикнула в ответ Светлана.

– Ребята, вы только не говорите там никому насчёт картины, Света, тебя это больше касается, – попросил Валера. – А завтра её в мастерскую увезу, раз уж обещал.

Татьяна с Вадимом согласно кивнули, а Светлана с ноткой обиды бросила:

– Не хочешь, не буду. Только не кисни на собственном празднике.

Банкет уже был в полном разгаре, незаметно проскочив границу формальностей, он неудержимо набирал обороты. Но, несмотря на множество поздравлений, шуток и приличную дозу выпитого, в глазах Валеры Татьяна видела некое смятение, хоть он и старался скрывать его. Она подозревала, с чем это было связано, и решила поговорить с ним наедине. Когда Света убежала танцевать, а Вадим отвлёкся разговором с соседом по столу, Татьяна коснулась руки Полянского:

– Валера, ты хотел что-то сказать?

– Да, Таня, хотел... я сейчас пойду покурить, а ты выжди малость и за мной выходи, только незаметно.

– Хорошо.

Она так и сделала, улизнув буквально за секунду перед тем, как Светлану посетила идея затянуть всех в круг.

Валера встретил её в фойе и сразу потянул к дальнему окну:

– Отойдём в сторонку от лишних глаз.

На месте он глубоко вздохнул, словно преодолевая какую-то преграду внутри себя и неуверенно произнёс:

– Таня... э-э... не знаю даже с чего начать, как-то всё это нелепо выглядит...

– Валера, ты говори, я постараюсь понять.

– Знаешь, когда я закончил «Маски» я ещё пару дней подолгу рассматривал картину, всё пытался найти какие-то шероховатости, мне казалось, что я что-то упустил, просмотрел... и чем дальше я в неё вглядывался, тем двусмысленнее становилось моё восприятие, вернее, само ощущение. Иногда я чуть ли не на крыльях парил от радости, а потом вдруг, будто чёрт сглазил – накатывала такая необъяснимая тоска и я ничего не мог с этим поделать... Картина, будто гипнотизировала меня, то дарила, то выкачивала из меня энергию...

– У меня вначале тоже было нечто подобное, даже растерянность, – поделилась Татьяна.

– Да? Значит, всё правильно. Это всё равно, что выпить водки, рюмка – другая ещё для души, а всё остальное уже лишнее, не твоё, яд... Так и с «Масками». Знаешь, у меня сейчас в голове какой-то сумбур, я никогда не создавал ничего подобного и безумно горд собой... но с другой стороны, эта тоска в душе, от неё очень трудно избавиться...

Татьяна молча кивала, что-то обдумывая про себя.

– А почему ты сказала, что вначале это почувствовала, потом что – отпустило? – вдруг вспомнил Полянский.

– Да... я не стала фрагментировать сюжет, а постаралась увидеть его в целом... наверно, я нашла какой-то баланс внутри себя, и это ощущение пропало. Валера, в твоей картине заложен огромный смысл, не все это поймут, но это так, правда... но понимаешь, внешнее кольцо не может существовать без ядра, они взаимосвязаны, и если произойдёт разрыв в восприятии, то нарушится равновесие. Мне кажется, ты попал под влияние внешнего кольца, там зло, прикрытое масками добродетели...

– Знаю, что зло, знаю. И что же мне делать? А если у меня не получится обуздать волю «Масок»? Может, лучше продать? Не выбрасывать же, да я и не смогу, рука не поднимется. Нет... я же обещал тому господину... нет, пока не буду продавать.

– И его появление тоже не случайно, мне так кажется, – сказала Татьяна.

– О чём ты, Таня? Я не понимаю тебя...

– Я и сама пока мало что понимаю... но он, наверно, прав, тебе лучше пока убрать картину, куда подальше от глаз, чтобы не искушать себя и других, она, действительно, как магнит притягивает.

– Ну да, ты права, тут без вариантов, не то сожрёт меня моё же творение, – усмехнулся Полянский. – Или всё же?..

– Валера, ты не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем, я тебе обещаю.

– Спасибо, Танюша, – произнёс Валера и с благодарностью поцеловал девушку в щёку. Они даже не заметили, как подошла Светлана.

– А что вы тут делаете? – с вызовом проговорила она. – Валера, ты зачем её сейчас поцеловал? Волошина, ты к моему Валерке клеишься, да? У вас роман, да?!

– Да, Света, клеюсь, да роман! – не сдержалась Татьяна. – Ты точно ненормальная, Светка, ты же знаешь, что я в такие игры не играю.

– Мать, ну ты что? Дурёха ты моя, напридумывала чёрт знает что, – улыбнулся Валера, обняв женщину. – Куда же я от тебя денусь, ты же жена моя законная и мать моего ребёнка. Я просто насчёт картины с Танюшей советовался, ты не знаешь, я не стал тебе говорить пока... ну, в общем, я кое-что из её книги позаимствовал, вот и интересовался её мнением.

– Фу-ты... а я уже накрутила себя, ведь второй раз за вечер ловлю вас... А-а, вы точно нет?

– Света, ты же сама говорила, что у меня душа Лариной... А разве она способна на такое? – заверила подругу Татьяна.

– Ларина точно нет... А целовать-то зачем?

– Света, ты опять? В первый раз, что ли, он меня целует, мы же друзья.

– Ну, раньше это при мне было, и я не ревновала.

– И правильно делала, ревность оскорбляет истинные чувства, – проговорил Полянский. – А этот дружеский поцелуй всего лишь знак благодарности Танюшке за совет и только.

– Всё, всё, хватит меня уговаривать, я верю вам... ну, не могу я вам не верить, люблю я вас обоих и всё.

– Я тебя тоже, муза моя, – сказал Валера, ещё крепче прижимая к себе жену.

– Правда, Валерочка? – проворковала Светлана и затаила дыхание в ожидании подтверждения.

– Правдой не бывает! Ты мне веришь?

– Да, да, да! – воскликнула Полянская, повиснув у супруга на шее.

– Вот и хорошо, не хочу, чтобы мы сорились, – облегчённо вздохнула Татьяна.

Она увидела, как прояснилось лицо Светланы, и поняла, что все недоразумения между ними были исчерпаны.

– Ну что, девчонки, пошли продолжать, а то нас уже точно потеряли, – позвал женщин Валера.

– Вы идите, я скоро подойду, – сказала Татьяна.

– Только не теряйся, Волошина, мы ждём, о твоём бокале я лично позабочусь, – отметилась повеселевшая Светлана.

– И кавалера моего тоже не забудь, а то не дай бог захандрит, – вдогонку ей напутствовала Татьяна.

– Не бойсь, присмотрим.

Когда её друзья скрылись из виду, Татьяна направилась в зал, где размещались картины Полянского.

У самого входа дорогу ей преградил немолодой охранник:

– Извините, выставка уже закрыта, посещение завтра с десяти утра.

– Я знаю... я буквально на минутку, хотела бы ещё раз взглянуть на одну картину, это очень важно для меня... Полянские мои друзья, они не будут против.

– А я помню вас, вас трудно не запомнить... Ладно, проходите, но только не долго, а то мне влетит от начальства.

– Спасибо, я не задержу вас.

Шаги девушки гулко разносились по залу, пока она не остановилась напротив «Масок».

Татьяна не совсем понимала, что её привело сюда вновь, но она ощущала острую необходимость в таком решении. Её неудержимо влекло к этой картине. Возможно, она что-то упустила в ней, и это что-то напомнило о себе.

«Да, «Маски» ещё проявят себя, я чувствую это... между картиной и моей книгой есть определённая связь... она уже не даёт мне покоя... Эта девушка в центре, мне кажется, что это я сама или моя душа, и она так похожа на мою героиню, так похожа... Боже, что со мной? Внутри меня всё перемешалось... мне кажется, что стирается граница между явью и вымыслом...»

С ней действительно творилось что-то неладное, пространство вокруг неё словно ожило, зашевелилось, и вместе с этим появился нарастающий звон в ушах. Девушка уже не чувствовала своего тела, оно становилось невосприимчивым и каким-то невесомым. Вдруг Татьяна увидела, что лица на картине тоже ожили, стали меняться как в прошлый раз, но теперь они глядели не на девушку в центре, а на неё. Их взгляды не предвещали ничего хорошего. Сердце Татьяны отозвалось болью, ей стало невыносимо душно. Но то, что произошло потом – ввергло её в ужас. Полупрозрачные фантомы персонажей стали сходить с картины и медленно приближаться к ней, расплываясь вокруг неё в виде петли. В их злобных намерениях она не сомневалась, но не могла сдвинуться с места, её что-то не пускало, удерживало. Единственное, что она смогла сделать – это закричать, хотя и не слышала своего голоса. В ту же секунду в зале стало темно, и свет померк в её глазах...

Сброшенные маски

Тьме не до сна, её гнетут кошмары
От вещей слов, что дни ей сочтены...
Все маски сброшены и слепнут злые чары
У верных слуг мамоны и войны.

I

Вокруг неё был лес, тёмный безжизненный лес, совсем не похожий на тот, что она знала. Она стояла на месте, вслушиваясь в пугающую тишину, и пыталась что-то сообразить, вспомнить. Но на ум ничего не приходило, из её памяти будто вырезали какой-то связующий фрагмент. Последнее, что она помнила, как вошла в зал, потом возникли те странные видения, ощущение страха, паника и, наконец, темнота... Что произошло дальше, она не знала. Татьяна даже не могла объяснить, что видела в зале. Было ли это реальностью или галлюцинациями, плодом её чувствительной психики. Вот и сейчас она не понимала, что с ней и где находится, то ли это сон, то ли что-то ещё. Её сознание бодрствовало, но никак не могло включиться в ситуацию, словно его что-то блокировало. Крепко зажмурив глаза, она вновь их открыла в надежде проснуться, но лес никуда не исчез.

«Ладно, делать нечего, придётся идти, – решила она. – Только куда? А куда глаза глядят, туда и пойду».

Сделав несколько первых шагов, она сразу поняла, как обманчива была тишина. Лес вдруг встрепенулся: внезапно появившийся ветер со свистом пронёсся по кронам деревьев, раскачав стволы, которые ответили протяжным стоном, из-за каждого куста слышались какие-то шорохи, то там, то здесь раздавались пронзительные крики птиц или зверей. Татьяне казалось, что она слышит шепот леса, и этот шепот не был дружелюбным, он холодной ядовитой змеей пытался забраться в самое её сердце. Сердце Татьяны сжалось от страха, к горлу подкатила тошнота, а ноги стали ватными и непослушными. Как только она остановилась, звуки стихли. Однако кажущаяся тишина теперь ещё больше пугала её. Превозмогая слабость, она двинулась дальше, и всё повторилось, но уже с большим размахом. Она вновь остановилась в растерянности. Лес затеял с ней какую-то зловещую игру, желая подчинить девушку своей воле, он хотел заставить её играть по его правилам. Татьяна поняла это, но ничего не могла противопоставить в ответ.

«И что же делать?.. Бежать?.. Закрывать глаза и бежать? Но, куда?! Он же везде, из него нельзя выбраться, это ловушка!» – уже теряла над собой контроль девушка.

Как только она об этом подумала, сразу уловила, как оскалился лес, его наглая ухмылка не оставляла сомнений, что он читает её мысли. В этот момент Татьяну, будто кто-то толкнул и чтобы не дать лесу опомниться, она побежала, побежала наугад, не выбирая дороги, стараясь не слышать и не видеть, что творится вокруг неё. Лицо девушки нещадно хлестали ветви деревьев, царапины на руках от колючих кустарников кровоточили, но она не обращала на это внимания и бежала до тех пор, пока не выбилась из сил. Упав на землю, Татьяна какое-то время пролежала без движения, с трудом утихомиривая учащённое дыхание. Когда сердце немного успокоилось, она огляделась. Оказалось, что лес остался позади.

«Неужели отпустил? Или я сама смогла... Неважно, главное, что я в безопасности. А здесь светлей и луна видна. Какая огромная и какая яркая! А дальше что, куда идти, что делать?» – мешались мысли в её голове.

Луна оказалась единственным видимым ориентиром в противоположной от леса стороне, и она пошла прямо на неё. Вскоре лунный свет высветил вдалеке очертания высоких башен и стен. Подойдя ближе, она догадалась, что это какой-то средневековый город-крепость.

«Да-а, странностей всё больше и больше... уже и удивляться особо не приходится. Что же там за этими стенами? Сейчас ночь, наверно, город пустует. Лишь бы пустили, насколько я знаю из истории, входные ворота охраняет стража. Ладно, попробуем, если прогонят, пойду в другую сторону», – рассуждала девушка.

Но Татьяну пустили без лишних вопросов, всё равно, что свою. Когда за её спиной захлопнулись массивные ворота, пути назад уже не было. Девушка не спеша побрела по узким тёмным улочкам к самому центру города, не встретив на своём пути ни одного человека. Город будто вымер. Но всё изменилось, когда Татьяна повернула на городскую площадь, от неожиданности она даже остановилась.

Вся площадь буквально горела в смоляных факелах, здесь было так много народа, ей казалось, что весь город высыпал на какое-то ночное торжество. Люди негромко переговаривались между собой в ожидании какого-то важного события. Татьяна подошла ближе, смешиваясь с толпой, и стала пробираться к самому центру площади. Когда ей удалось рассмотреть, то, что находилось там, на всеобщем обозрении – её волосы встали дыбом. Это было лобное место в виде сколоченного из досок помоста, на котором находились какие-то люди, а чуть поодаль стоял высокий столб, обложенный поленицами дров.

«Это же эшафот... здесь кого-то хотят казнить», – мелькнула в её голове страшная догадка.

Татьяна стала пробираться в первые ряды, чтобы лучше всё разглядеть и вдруг услышала громогласный голос:

– Ведьма!

Тот час же люди вокруг девушки расступились, и она увидела, как говоривший показывает на неё рукой.

– Ведьма! Держите её! Там её место, в огне! – снова выкрикнул человек в церковной рясе, уже указывая на столб.

Гул возмущения нарастал, все тыкали в неё пальцами, а язык девушки просто онемел.

Татьяна не понимала, что от неё хотят все эти люди. В следующую минуту её схватили стражники и потащили к эшафоту.

– Что вы делаете, отпустите меня! Да оставьте меня в покое, я ни в чём не виновата! Отпустите меня, изверги! Что я вам сделала?! Я вообще не знаю, как сюда попала! – упиралась изо всех сил Татьяна.

Пока её тащили, Татьяна успела разглядеть на столбе дощечку с надписью, где к своему изумлению обнаружила своё имя. Стражники очень крепко привязали её к столбу и отошли в сторону. Всё это время она не прекращала звать к благоразумию и человечности, но её никто не слышал. Верёвки больно врезались в тело девушки, но боль уже не имела никакого значения, её хотели казнить, и вся эта церемония не являлась чьим-то фарсом, всё было по-настоящему. Татьяна похолодела, когда увидела обращённые к себе взгляды судей, среди них были те самые лица с картины Полянского. Внутри неё всё перевернулось, надежда затухала в её сердце, она отчётливо понимала, что намерения палачей уже ничем не изменить. Они ждали именно её. Да и в самой толпе девушка не видела сочувствующих взглядов, почти не видела. Татьяна плохо слышала, о чём говорил инквизитор, оглашая приговор, она думала о своей недолгой жизни и близкой смерти, которая совсем не вписывалась в её планы. Она уже не кричала и, наверное, смирилась...

Когда один из инквизиторов закончил читать приговор, палач с факелом направился к девушке, чтобы привести приговор в исполнение. В тот момент где-то внутри себя Татьяна услышала спокойный голос:

– Останови свои мысли, твой страх в них. Они влияют на тебя через твои мысли и заставляют верить в эту иллюзию.

– Через мои мысли? – переспросила Татьяна. – Разве всё это сон?

– Именно. Ты должна осознать себя и иллюзия рассеется.

После этих слов лица инквизиторов скривились в ухмылках, и один из них почему-то обращаясь в сторону Татьяны, произнёс:

– Ты думаешь нам помешать? Глупец! Не сейчас, так в другой раз. Наши корни слишком глубоко в этом мире, вам их ни за что не выкорчевать, даже и не пытайтесь!

– А мы и не будем. Они сами сгниют, когда ваше дерево сгорит в пространственном огне. Уже скоро! – твёрдо сказал невидимый незнакомец и, не обращая внимания на надменных судей, снова обратился к девушке:

– Не бойся, Звёздочка, они не тронут тебя, только не поддавайся им, ухватись за свою суть и держись её.

– Я не Звёздочка, я Татьяна, – растерянно произнесла она.

– Знаю. Очнись, тебе пора.

Татьяна открыла глаза и увидела склонившуюся над ней Светлану. Та приводила её в чувства традиционным способом – брызгала водой изо рта и при этом интенсивно махала полотенцем.

– Фу-ты, ну, слава Богу, очнулась... Танюшка, а мы все тут перепугались за тебя! Что случилось? Тебе плохо стало, да? Вон бледная вся, – привычно затараторила Светлана.

Татьяна вымученно улыбнулась и попыталась приподняться.

– Так, мужчины, берём больную и несём за мной, только бережно берём, – скомандовала Светлана.

Девушку тут же подхватили мужские руки и перенесли на ближайшее кресло. Вадим с Валерой остались рядом, на всякий случай, но не спешили беспокоить её вопросами. Они, как и Светлана были встревожены случившимся, это было видно по их лицам. В зале кроме друзей Татьяны находился тот самый охранник и ещё три или четыре человека, скорей всего, с банкета.

– Как я рада вас видеть, – совсем тихо произнесла Татьяна.

– А мы-то как тебе рады, Волошина! – рассмеялась обрадованная Светлана. – Тебе, правда, лучше? Может, врача вызвать?

– Не надо, мне лучше.

Вадим, чтобы как-то помочь Татьяне, принялся поглаживать её руку, а Валера еле слышно спросил:

– Таня, ты что-то увидела, да?

Татьяна сделала вид, что не расслышала и стала смахивать с лица оставшиеся капли воды. Никто не обратил внимания на этот странный вопрос.

– Танечка, а что это у вас за ссадины на руках, где вы так оцарапались? И на лице, какие-то полосы, откуда они? – вдруг спохватился Вадим.

– И точно ведь... а я в этой суматохе и не заметила даже, – поддакнула Светлана. – Может, ты сама оцарапала себя, Танюшка, когда в обмороке была, а?

– Я не знаю, – задумчиво сказала Татьяна, встретившись с растерянным взглядом Полянского. Он знал больше, чем остальные, поэтому молчал, мучаясь в догадках.

II

Через некоторое время после случившегося гости разъехались по домам, вслед за ними отправилась Татьяна в сопровождении Вадима, а Полянские, как и подобает хозяевам торжества – отправились последними. Дома Валера долго не мог уснуть, ложился и снова вставал, бродя по затихшей квартире, ему не давала покоя тайна Татьяны. Он догадывался, что та столкнулась с чем-то необъяснимым, хотя и пыталась это скрывать, но у неё не совсем получалось, во всяком случае, от него. Полянский чувствовал какую-то болезненную привязанность к картине, чувствовал каждым своим нервом и всё, что с ней было связано, вызывало в нём повышенный интерес. Сейчас даже мысль о расставании с ней казалась ему верхом глупости. С

картиной он связывал какие-то свои тайные надежды, о которых не распространялся никому, даже самым близким людям. После очередного подъёма мужа Светлана уже не выдержала:

– Валерка, имей совесть, третий час ночи уже. Туда-сюда, туда-сюда – сколько можно?!

Ты же маму с Игорьком разбудишь!

– Не ворчи, мать, воды попью и приду, – отмахнулся Полянский.

– Вот только попробуй где-нибудь забренчать – точно получишь!

– Я тихо, спи давай.

Но Валера отправился не на кухню, а в ванную, прихватив с собой телефон.

Набрав номер, он дождался ответа, и почти шёпотом спросил:

– Не разбудил, Танюша?

– Нет, я ещё не ложилась. У тебя тоже бессонница?

– Угу, – вздохнул Полянский. – Как ты?

– Спасибо, Валер, я в порядке. Ты что-то хотел?

– Да, хотел... Тань, ты же что-то видела там? Только честно скажи, я же чувствую, что видела...

Возникла пауза. В трубках слышалось лишь их прерывистое дыхание. Наконец Татьяна ответила:

– Ты прав... но это не телефонный разговор.

– Понял, записал! – обрадовался Валера. – Танюш, давай встретимся завтра, ты только скажи где и я подъеду.

– Валера, я тебе завтра позвоню. Хорошо?

– Добро, буду ждать с нетерпением. Спокойной ночи, Танюша.

– И тебе, Валера.

С заметным облегчением Полянский отправился на супружеское ложе, однако перевозбуждённый мыслями ум ещё какое-то время не давал ему заснуть.

В отличие от Полянского Татьяна и вовсе не ложилась, её переполняло столько разных мыслей и чувств, что сон никак не приходил. Она ощущала себя в каком-то раздвоенном состоянии, с одной стороны её пугала скорость, с которой вокруг неё разворачивались события, а с другой – ей очень хотелось разобраться с причинами происходящего. В таком положении неплохо бы кому-то выговориться или даже поплакаться, но бабушки рядом уже давно не было, а не очень близкому человеку такое не расскажешь, да и не всякий такое поймёт. Валера казался ей самой подходящей кандидатурой для откровенного разговора, но если честно, она толком не знала с чего начать этот самый разговор. Странности накручивались на её жизнь уже не первую неделю, а связать их во что-то реальное и осязаемое она пока не могла. Татьяна специально взяла небольшой тайм-аут, чтобы подумать и хоть как-то навести порядок на полочках своего внутреннего домика. Уже под утро, так и не найдя ответов на свои вопросы, она обратилась к тому, что было ближе ей сейчас:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.